

10

Великая Орда

главы из романа

Ольга Иванова

Часть 2

Глава 1

ВЕСНУ в Сарай ал-Джадид на своих сильных крыльях принесли горделивые гуси. Кряквы и мелкие чирки оживили спавшие прежде под панцирем льда равнинные озёра и реки. Птицы наполнили весёлым гомоном окрестности, громко заявили об окончательном наступлении тепла. Малые озёрца, как блюдца на ладонях матери-степи, переполнились вешними водами. Оттаявшие и пробудившиеся поднялись с илистого дна лягушки, вплели в радостный хор свои голоса, попутно вылавливая липким языком жужжащих насекомых. Беззаботные квакушки грелись на солнышке и не успевали заметить, как оказывались в клювах длинноногих журавлей-красавок. А те в поисках обеда покрывали озёра и лиманы белоснежными облаками, и не было зрелица более дивного, чем это.

Вскоре хлопотунья-весна расстелила по равнинам и холмам ковры из красных и жёл-

тых тюльпанов, а позже готовилась сменить наряд на тёмно-лиловые покрывала из дурманящего шалфея. Жители городов словно пробудились ото сна. По-особому зазвенели молотки и молоточки в ремесленных слободах; наполнились оживлением базары; на уличках всё чаще слышались смех и песни. Караваны верблюдов, звеня бубенцами на гордо вскинутых головах, величаво шествовали в распахнутые ворота. В восточных рядах, слегка опустевших после зимней торговли, выкладывали дорогой товар из Персии, Генуи, Венеции, из земель Мавераннахра.

Тёплые деньги позвали на улицу древних старииков, и они выбирались из саманных домов, подставляя солнцу коричневые, сморщеные лица. Поэты наперебой читали газели, певцы и скизители собирали на площадях толпы почитателей, радовали народ невиданным вдохновением. Музыканты сопровождали их творения летящими напевами домбыры и кубыза, завораживающими мелодиями флейт, весёлыми раскатами барабана. Жизнь обновлялась, отодвигала зимнее брюзжание, холодное недовольство, тревоги и заботы.

И ханская свита под кровлей дворца с золотым полумесяцем на самой высокой башне, казалось, позабыла о неудачах хана Тохтамыша. Минуло два года, и повелитель воспрянул духом, оставил в прошлом изменников,

бежавших ко двору великого эмира Тимура, закрыл глаза на предательство любимой дочери Джанаки, постарался стереть из памяти казнь матери своих шестерых детей – Тогайбеки. Порой, вспоминая о кончине ханши, он испытывал раскаяние. Не следовало ли дать Тогайбеке смерть от старости, сослать в дальний улус? Её достаточно было обречь на вечную немилость, ведь жена и так наказала себя, навлекла на голову любимого сына проклятия отца. Солтан Кепек по сей день скрывался от повелителя, он не осмеливался показаться в столице Орды, но и при самаркандском дворе его не было. Об этом докладывали Тохтамышу тайные соглядатаи. Хан, получив донос, промолчал, но невольно испытал уважение к сыну. Тот не стал предавать, как вся эта свора во главе с Идегеем и Тимур-Кутлугом, а ведь мог припасть к ногам Железного Хромца, и эмир Мавераннахра принял бы его с распростёртыми объятьями.

Последний год Тохтамыш провёл, украшая столицу и наслаждаясь тихими семейными радостями. Сыновья радовали его успехами, а больше всех любимец – внук Мухаммад. Мальчик подрос совсем незаметно, казалось, вчера был малышом, которого аталақ¹ вскидывал на коня, а теперь на скачках

¹Аталақ – воспитатель, наставник.

От автора

Эпоха великих правителей

Каждый век отличается своими «добрymi» и «злыми» гениями, кровожадными извергами и бесстрашными героями, правителями выдающимися и бездарными. Имена многих из них обрастают легендами, становятся нарицательными, неся вечную славу своим обладателям. На слуху у наших современников и главные герои романа «Великая Орда» – Тохтамыш, Тимур, Идегей и Улу-Мухаммад. Личности поистине знаменитые и великие, как по происхождению и титулам, так и по делам. Им выдалось родиться во времена грандиозных потрясений – зарождения и распада империй, жестоких битв и величайших открытий. Их имена сплелись

порой обгонял младших сыновей хана – своих дядьёв. И в науках Мухаммад преуспевал, Тохтамыш находил его в келье историка, который описывал подвиги государя, и среди мудрецов, которые философствовали о начале и конце жизни. Малыш пытался скрипеть калямом наряду с придворными поэтами и поднимался в башню к звездочёту. Но чаще маленький солтан посещал шейха Камола Худжанди¹, напитывался его мудростью, внимал рассказам о Худжанде и Самарканде, где поэт обучался стихосложению. Вспоминал Камол-баба и дорогой сердцу Тебриз, в котором пленил его хан Тохтамыш и увёз почётной добычей в степной Сарай. Мальчик закрывал глаза под плавно текущую речь старого шейха и представлял улочки древнего города, улавливал шум и запахи огромного базара. Однажды Камол поведал об озере Чечашт² в окрестностях Тебриза, и впечатлительному мальчику оно привиделось волшебным чудом. С тех пор Мухаммад каждый раз будил память седобородого поэта, заbrasывая бесчисленными вопросами о чудесном озере.

– Цвет воды в нём сравним с небесным шёлком, которым торгуют китайские купцы, а порой темнеет и налива-

¹Камол Худжанди – средневековый поэт, захваченный ханом Тохтамышем в плен в Тебризе. Прожил в Сарае несколько лет.

²Чечашт – старинное название бессточного солёного озера Урмия, расположенного на северо-западе Ирана рядом с Тебризом.

в причудливой вязи судеб, запутанных и необычных, перерождающихся из дружбы в кровную вражду, когда на одну сторону весов ложатся государственные дела, на другую чашу – личные взаимоотношения.

Раньше всех героев книги на свет появился великий эмир Тимур – завоеватель, положивший под копыта коней своих воинов половину мира и мечтавший стать владыкой всей Вселенной. Именно с ним схватился Тохтамыш, ставший не без помощи Тимура ханом Золотой Орды. Сколько раз он вступал на путь битв с бывшим покровителем, сколько сотен тысяч полегло на просторах Орды и Мавераннахра ради честолюбивых замыслов своих повелителей, прежде чем сама жизнь поставила точку. Несколько причудливую точку, ведь два враждующих правителя к концу земного существования помирились и умерли практически в один год: Тимур –

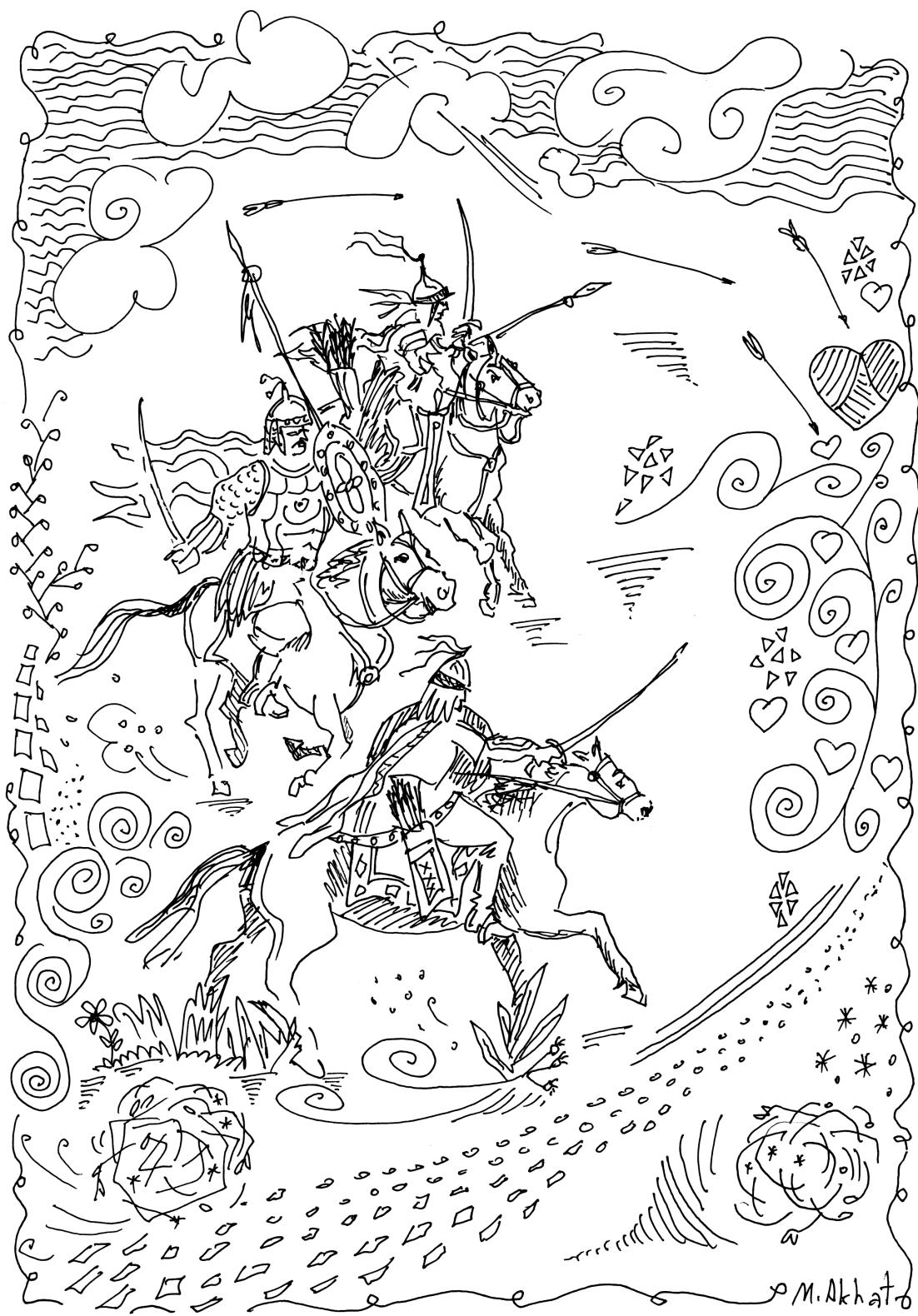
ется такой синевой, будто рассыпали на дно драгоценные сапфиры. И воды там мягкие и нежные, словно руки женщины, окунёшься, – и блаженство охватывает тебя. – Мечтательный голос шейха вплывал в уши мальчика, уносил его в сказочные дали. – По белоснежному сияющему берегу ходят диковинные птицы в красно-розовом оперении. И кажется, когда птицы оседают на озёрных островах, камни покрывает розовая пена. Чудное это зрелище, солтан, ведь если спугнуть их, над озером вспархивает радужное облако в огненных сплохах, и нет картины прекраснее этой.

Маленький Мухаммад со вздохом открывал глаза, как же ему хотелось увидеть волшебство наяву. Но разве возмёт его великий хан в тебризский поход, да и соберётся ли вновь в те земли?

Когда любознательная душа жаждала иных повествований, внук шёл к могущественному деду, чтобы послушать рассказы о дальних походах и горячих битвах. Он загорался от рассказов о знаменитых осадах и схватках поединщиков, подскакивал нетерпеливо на ковре:

– Повелитель, возьмите и меня в поход!

Тохтамыш мрачнел, он не знал, когда отважится вновь собрать свои орды. После поражения от Тимура на Сыр-Дарье, повелитель потерял не только победу, которую ждал превыше всего на свете, хан лишился богатых уделов и своего влияния во многих землях. Всё

подмял под себя ненавистный хромой Гурган¹.

Желая отвлечься от неприятных воспоминаний, Тохтамыш как-то предложил внуку:

– Поедем на охоту с беркутом?

У мальчика сверкнули радостно глаза:

– А ты дашь мне турутмая?²

– Заслужишь, получишь турутмая, а подрастёшь – подарю тебе беркута.

– Кара-тигера?! – взволнованно вскричал Мухаммад.

Хан добродушно рассмеялся:

– Э-э, замахнулся! Кара-тигер послушен только мне, такого беркута ни у кого нет. Я подарю тебе другого, сильного и стремительного, как молния. Сейчас корабчи³ Ахмед растит его из птенца, а Кара-тигер ему отец. Пойдём во владения корабчи, он тебе его покажет.

Соколиный двор располагался на задворках ханской конюшни. В его помещениях на шестках восседали соколы и орлы. Лучшая птица хана – беркут Кара-тигер дремал на особо устроенном для него низком насесте. Огромные когти мирно покоялись, вцепившись в деревянную жердь, крылья размахом с кольё были сложены, и только мощный клюв внушил опасение каждому приближаю-

щемуся к птице. Корабчи Ахмед – высокий неразговорчивый мужчина с неизменным взглядом сверлящих глаз, увидев Мухаммада, расцвёл улыбкой:

– Сиятельный солтан, а я уж ждал, когда вы навестите своего турутмая. Вон он, дожидается, когда вы его покормите.

Заметив входящего за Мухаммадом повелителя, корабчи торопливо склонился, сложив руки на груди.

– Ну, хвались, Ахмед, – добродушно промолвил хан. – Показывай новых птиц. Говорили мне, ты добыл ещё одного беркута?

– Добыл, повелитель, – скромно потупившись, отвечал корабчи.

Он повёл Тохтамыша в дальний угол двора, где на короткой привязи метался молодой беркут. Завидев людей, он расправил крылья, угрожающе заклекотал.

– Хорош! – Хан открыто любовался гордой птицей. – Как же ты взял такого?

– Выслеживал гнездо два месяца, – коротко ответил корабчи. Он не стал рассказывать, как долго боролся с сильной птицей, как беркут разодрал ей клювом руку. Шрамы ныли до сих пор, хоть и минуло много дней. Сейчас птица только казалась дикой и непокорной, она уже брала из рук корабчи куски сырого мяса, и вскоре Ахмед готовился отдать эту привилегию господину, чтобы беркут приучился к повелителю, чувствовал в нём хозяина.

А Мухаммад кормил своего рыжеголового турутмая, сокол выхватывал угощенье, придерживая когтями, рвал

¹Гурган – титул ханского зятя. Тимур женился на царевне из рода чингизидов ради этого титула.

²Турутмай (турумти) – красношерстый сокол средних размеров.

³Корабчи – здесь охотник.

в величии и ореоле непобедимого и могущественного властителя; Тохтамыш – почти в безвестности.

Ещё один легендарный герой – эмир Идегей вышел на историческую арену одновременно с Тохтамышем. Неординарная личность, талантливый военачальник, непревзойдённый оратор, умеевший повести за собой простых кочевников, воинов и даже правителей, он поставил перед собой цель уничтожить хана Тохтамыша. Скрытая эта поначалу вражда родилась после гибели отца Идегея, казнённого по приказу Тохтамыша. В своей местьи мангытский эмир Идегей преуспел: руками самаркандского эмира Тимура ему удалось свергнуть своего кровника Тохтамыша, но этими же руками он пошатнул устои Великой Орды. Огромная империя дала трещину, которая с годами лишь становилась больше, пока некогда могущественное государство

на части острым клювом. Круглый блестящий глаз его скользил по мальчику, словно примечая и запоминая владельца, дающего ему пищу. Мухаммад ощутил на своих плечах тёплые ладони деда, обернулся и спросил с горячностью:

– Когда же на охоту, повелитель?!

– С утра и поедем, – ободряюще похлопал его по спине хан. – Готовься, корабчи, отправишься с нами.

Весенние деньки наполнялись забавами и развлечениями: то скачки и состязания, то игрища и праздники. Мухаммада больше увлекала охота, а развлечений со сверстниками он избегал, потому спешил в такие часы в келью мудрого Камола Худжанди. Пришёл и этим утром, но не застал шейха. А поэт, привезённый из Тебриза в Сарай в обозе повелителя, бродил по улицам города, так и не ставшего ему близким. Не привлекали почтенного старца богатые базары и многолюдные караван-сараи, не радовали взора роскошные дворцы, соперничающие в красоте мозаик и многоцветных росписей с мечетями и соборами. Не задерживался он и на площадях, плещащих фонтанами, ни у прудов и каналов, над которыми склонялись приземистые деревья с раскидистыми уже зазеленевшими кронами. Брёл среди бесконечных рядов домов, по выложенным камнем площадям и по слободским улочкам, утопавшим в весенней грязи, а в груди старого поэта бился стих. Он написал его уже здесь,

в городе, где заточили ставшее немощным тело Камола.

Эта шумная улица кажется мне пустынной.
К самому себе прикован я беспричинно,
Всё брошу и мечтаю о милой своей отчизне...
О страна моя, родина!

Вспомни заблудшего сына.

Если ты над собой
не видал чужеземного неба,
Никогда не понять тебе, друг,
и моей кручины!

Незнакомый язык...

Непонятное пение птицы...
Здесь чужие дожди и чужая на обуви глина!
Глуховаты мы были

к страданиям чужеземца, –
Ибо домом казалась любая родная долина.
Я чужой. Я брошу и мечтаю о родине милой...
О чужбина, чужбина, чужбина, чужбина!

Вернувшись во дворец, шейх застал у кельи маленького солтана. Мухаммад терпеливо ожидал наставника, привалившись спиной к серой стене.

– Что случилось, царевич? – встревожился Камол. – Отчего вы сидите здесь, когда все дети повелителя предаются забавам.

– Я пришёл к вам, учитель, чтобы спросить об одной вещи. – Не по годам серьёзное лицо мальчика было полно печали, и он сам казался озабоченным и расстроенным.

– Проходите в келью, солтан, не дело разговаривать о важном на пороге.

В келье он усадил ребёнка на вытертую кошму, разломил надвое холодную лепёшку, от которой Мухаммад не отказался. Он прожевал первый кусочек и вскинул на наставника серьёзные глаза:

– Камол-баба, скажите, долго ли вы

не раскололось на части. С помощью марионеточных ханов Идегею удавалось долго управлять ограбленной и разорённой Тимуром страной, но сделала ли эта победа над ненавистным Тохтамышем его счастливым, не увидел ли он в конце жизни своей не обратимость распада и будущей гибели государства, не осознал ли, что сам запустил этот процесс?

И, наконец, Улу-Мухаммад. Хан, в жизнедеятельности которого у историков больше вопросов и противоречий, чем достоверных, полностью доказанных истин. И начинаются эти противоречия с года рождения Улу-Мухаммада, его происхождения, когда одни объявляют, что отцом являлся Джеляльуддин, а дедом – хан Тохтамыш, другие (и это по последним данным, согласно генеалогии Абулгази) считают Улу-Мухаммада сыном Ичкили Хасана. Наряду с этим существует ещё несколько версий происхождения

учились, чтобы познать всё, чем владеете ныне?

– Учиться можно всю жизнь, но так и не познать главного. Должна быть цель, и тогда вы станете получать то, что необходимо именно вам.

Собственные объяснения показались ему слишком сложными для мальчика, и потому поэт продекламировал одно из своих творений:

Цель – это жемчуг взаперти,
И надо приложить старанье.
Взять жемчуг – значит ключ найти,
А ключ – усердье, время и познанье.

Мухаммад вздохнул, стряхнул крошки с подола атласного чапана.

– Значит, ключ – это время, учитель. Чтобы познать языки, философию, историю, военное дело... Смотрите, как много времени нужно, разве хватит на это целой жизни, даже если я буду старательен и усерден? А на забавы уходит много часов, я не хочу преддаваться играм, когда вокруг так много всего.

Мухаммад неопределённо махнул рукой и нахмурился, невольно напомнивая маленького стариичка. Шейх задумался. Из учеников, которых направил ему повелитель, солтан Мухаммад был старательнее всех и знал уже больше старших, но этот разговор открыл хан-

ского внука с неожиданной стороны. Камол знал, что и отец мальчика – солтан Джеляльуддин – прослыл среди братьев самым умным и рассудительным. Видимо, сын пошёл в него, а со временем, должно быть, превзойдёт и отца. Только для царевичей столь высокого рода большая учёность не идёт на пользу. Среди них превыше всего ценятся полководческий дар, государственное предвидение и умение повелевать. Как это объяснить мальчику, душа которого стремится к познанию, мечтает обнять необъятное?

– Забавы и игры в вашем возрасте, Мухаммад, необходимы. Они дают силу, ловкость и нельзя ими пренебрегать. А для учёбы предназначены другие часы. Всё в нашем мире распределено, всему своя мера и своё время.

Мальчик помолчал, осознавая сказанное мудрым наставником, потом кивнул, соглашаясь:

– Хорошо, учитель. Завтра я отправлюсь с повелителем на охоту, но сегодня вы обещали рассказать мне о вашем друге – великому Хафизе. Вы с ним перекликаетесь, как два соловья, и можно бесконечно слушать ваши творения, так говорят во дворце.

– Не стоит слушать всего, что говорят лукавцы, – проговорил Камол, польщённый, однако, словами мальчика.

Улу-Мухаммада. Когда среди историков роятся такие сомнения, считаю правом автора историко-художественного романа склониться к версии более близкой мне. А родовая ветвь Тохтамыш – Джеляльуддин – Улу-Мухаммад выглядит вполне закономерно. На её фоне все судьбоносные ордынские события рисуются сами собой и имеют определённую связь.

Итак, хан Улу-Мухаммад, ставший практически последним правителем всей Золотой Орды, которому пусть и на короткое время удалось собрать воедино прежние улусы и подтвердить могущество рода. По некоторым сохранившимся свидетельствам тех времён, перед нами предстаёт образ повелителя умного, образованного и сильного, отважного воина и благородного человека. Вспомним хотя бы малоизвестный эпизод с мценским воеводой Григорием Протасьевичем. Его однажды хитростью захватил в плен мурза кунгратов Хайдар, и в отместку за недавнюю победу воеводы привёз в Сарай, подвергнув позорному заточению. Улу-Мухаммад, узнав все обстоятельства дела, встал на сторону Протасьевича, освободил его из неволи и с почётом отправил домой. Поступок, несомненно, справедливый и благородный, за который хану пришлось расплатиться. Оскорблённый

— И всё же разрешите мне оостаться и послушать ваши рассказы. А там, в саду, пусть поиграют без меня.

Старый поэт скрыл улыбку и указал на толстый том, лежавший поверх других:

— Я помню о своём обещании, царевич, и уже приготовил диван лучших газелей Хафиза. Но хочу отложить наш урок до вечера.

— Чем же мы теперь займёмся? — удивился мальчик.

— Если даст согласие ваш атапык, отправимся на базарную площадь.

Камол порадовался заблестевшим глазёнкам ребёнка. Мухаммаду так редко удавалось вырваться из дворца, а поездка на базар была настоящим развлечением для маленького солтана. Но знал бы он, что его ждало на одном из обширнейших майданов Кок-Базара! На это торжище съезжались купцы из Хорезма, Мавераннахра и Сыгнака, а вместе с их караванами прибывали бродячие фокусники, заклинатели змей и масхарабозы¹. Последние собирали у своих шатров толпы зрителей, которые с нетерпением ожидали начала представления.

¹Масхарабозы – комики, бродячие артисты, исполнявшие различные сценки.

У одного из таких шатров остановились и шейх Камол с юзбаши Ураком. Своего воспитанника они переодели в зелёный суконный чапан и неброский тюрбан без украшений, дабы не привлекать внимания посторонних. Мухаммад приходил в восторг от таинственности, с которой была обставлена его прогулка, занятная сама по себе. У шатра масхарабоза уже образовался полукруг, жаждущие зрелища люди сплотились столь тесно, что мальчику не удавалось разглядеть приготовлений к фарсу. Мухаммад напрасно вытягивал шею и пытался просунуть голову между теснившимися зрителями. Урак с лёгкостью всё разрешил: вскинул мальчика на широкое плечо, и Мухаммад с гордостью устроился на нём. Теперь впереди расстипалось море из людских голов с наверченными чалмами, разноцветными тюрбанами, расшитыми тюбетейками и женскими покрывалами. И пятак перед шатром лежал, как на ладони. Весёлый толстяк в пёстром тёплом халате выступжал заводную дробь, зазывая тех, кто ещё не успел прибыть к шатру:

— Ай, спеши-поспеши! Ай, любимое зрелище не пропусти! Увидишь «Игру Палвана», а не увидишь – и ночью не уснёшь, будешь локти кусать, сожалеть!

Хайдар в самый неподходящий момент бросил своего повелителя и увёл кунгратов в Крым.

На слуху победы Улу-Мухаммада, некоторые из которых (взять, например, знаменитую битву под Белёвом) – верх воинского искусства и удачливости. Вопрос об основании Улу-Мухаммадом Казанского ханства – очередной повод для споров историков. Мнения учёных вновь разделились, как по году основания государства, так и по имени основателя. Был ли первым ханом Казани сам Улу-Мухаммад или его сын – точно неизвестно. Но, на мой взгляд, важно другое: хан присутствовал в этот период на булгарских землях, отсюда выступал в походы на Русь, и, несомненно, не без его участия были заложены основы будущего государства.

Не стоит забывать, что исторический роман – это всё же художественный вымысел, основанный на существовавших событиях и фактах с персонажами, прототипами которых послужили исторические личности. И эти личности были так велики и остались столь заметный след в истории, что невозможно не вспоминать и не писать о них.

Стоит лишь два пула¹, а смеяться будешь на целую дангу²!

Мухаммада призывы толстяка развлекали, а тут ещё мальчишка по соседству, взобравшийся не на плечо, на шею своего отца-медника, кривлялся и строил рожицы, искусно подражая зазывале. Разносчик сладостей воспользовался скоплением людей, поспешил в самую гущу со своим лотком:

— Эй, налетай-хватай! Сладкие орешки, пирожки с айвой, халва, медовые лепёшки!

Сердце Мухаммада дрогнуло, когда увидел в руках мальчишки-кривляки палочку, облепленную сладкими орешками. Но удержался от соблазна: пристало ли внуку хана грызть уличные сладости и уподобляться сыну медника. Отвернулся в сторону, хоть так хотелось отведать лакомство, просто до слёз представилось, как вкусно захрустели бы засахаренные орешки у него во рту. К счастью, досада вскоре позабылась, шустрый зазывала, наконец, отложил барабан, поклонился толпе и распахнул полог шатра. Под одобрительный рёв на пятак выдался масхарабоз, изображавший борца. По пояс раздетый, он играл мышцами, пыжился, смешно растопыривался и похвалялся своим мастерством. Мухаммад засмеялся вместе со всеми, когда толстяк вынес на пятак того, с кем собрался бороться масхарабоз, — потешную куклу в халате, сделанную из палки с маской вместо лица. Но вид противника не смутил борца, он принялся торговаться с толстяком о вознаграждении за победу, чем заработал новую порцию смеха. Хохот вызывало и само состязание, во время которого кукла по имени «Палван» хитрил, применял неправильные приёмы борьбы, жульничал за счёт слабо повязанного платка-пояса, из-за которого легко выскальзывал из захватов противника. Масхарабоз постоянно ошибался,

проигрывал, возмущаясь, насекивал на Палвана, наконец, махнул рукой и под дружный смех зрителей сбежал в шатёр. Толстяк в обнимку с Палваном отправился собирать деньги, и Мухаммад с удовольствием опустил в медную чашу куклы звенящие монетки. Ещё одним поводом для радости стала палочка со сладкими орешками, которую солтана вручил атальк. В тот миг мальчик позабыл о своём высоком сане и принялся беззаботно грызть лакомство, следуя за своими наставниками.

Дни шли друг за другом, не нарушая ровный ход жизни огромного улуса. Несчастье навалилось внезапно. Во дворец повелителя прибыли ногайцы со срочными известиями. Запылённые и потные, они дожидались сарайского господина во дворе. Хану доложили о них в разгар вечернего пира, он хотел отослать их до утра, но предчувствие кольнуло острой иглой. Тохтамыш покинул веселящихся вельмож и вышел на ступени дворца. Ногайцы бросились в ноги, один из них вскинул смуглое, забрызганное грязью лицо:

— Великий хан, на тебя идёт джихангир³ Тимур!

Кто-то из караульных тревожно охнулся, быстро заговорил и смолк, сражённый гневным взглядом повелителя. Тохтамыш перевёл тяжёлый взгляд на ногайцев:

— Откуда известно?

— Мы шли с самаркандцами в тумене⁴ эмира Идегея.

Тохтамыш скрипнул зубами: «Вот он, предатель, вынырнул из укрытия, выждал свой час!» Спросил снова:

— Где сейчас Тимур Гурган?

— Мы бежали от реки Тобол, а до того завоеватель Вселенной прошёл через Яссы, Сабран и Каракук. И шли мы по рекам и по безводным местностям два месяца, а войско великого эмира

¹ Пул — медная монета, распространённая в Орде.

² Данга — серебряная монета, имеющая хождение в Орде, равнялась 16 пулам.

³ Джихангир — владыка Вселенной. Этим титулом часто величали эмира Тимура.

⁴ Тумен — (тыма) войско в 10 000 воинов. Отсюда темник — военачальник тумена.

огромно, превосходит оно по численности песок на берегу реки и...

— Хватит! — Тохтамыш досадливо отмахнулся, обернулся к караул-бashi. — Отведите воинов к себе, накормите, а вечером приведёте на совет.

Он отправился назад к пирующим эмирам и огланам, которые ничего ещё не ведали. Хан шёл с тяжёлым сердцем, не зная, как можно остановить надвигающееся кровопролитие. Они не были готовы к борьбе с грозным Тимуром; правитель Турана подгадал, нашёл уязвимый момент и раскрутил колесо войны, которая никого не пощадит.

Глава 2

Тумены Великой Орды стягивались к Крык-Кули. Весна уже готовилась сдать свой пост летнему зною, начиналась обычная для этого времени сушь. Но степные почвы ещё таили в своих глубинах влагу растаявших снегов, травы дружно поднимались по берегам Яика. Необозримые пространства, вспухавшие низкими зелёными холмами, пока украшали яркие мазки эфемеров. Но уже виднелись проплешины в прекрасном степном ковре из тюльпанов, синих ирисов, вишнёвых пионов и солнечных горицветов. А как великолепен он был ещё неделю назад, ведь ни одной мастерице неподвластна такая вязь узоров и буйство красок! Но цветы угасали один за другим, отмирали, прячась за зеленью трав, и напоминала блекущая картина, как недолговечна жизнь, как призрачно всё в этом мире.

И ордынский хан думал о превратностях судьбы, с тревогой окидывал взглядом противоположный берег Яика, откуда ожидался приход грозного врага. В обширной долине раскинулся его воинский стан, он заполнился сотнями шатров, раскинул бунчуки десятков родов и племён. Сюда подоспели основные войска, но к назначенному Тохтамышем сроку не подошли отряды из Азака и булгарской земли, на чью помощь рассчитывал повелитель. Хан ожидал у Крык-Кули переправы тимуровых

войск, готовился напасть на завоевателей в самый неподходящий момент. Но на третий день Тохтамышу донесли, что великий эмир перехитрил его. Правитель Мавераннахра предугадал замысел ордынцев и нашёл иное место в верховьях Яика, где Тимура никто не стерёг. Тохтамыш отдал поспешный приказ к отступлению. Они удалились в степь, растворились на её просторах, и, когда воины великого эмира ворвались в покинутый стан, на растерзание им достались лишь запоздавшие булгары.

Покончив с ордынскими вассалами, Тимур послал весть Тохтамышу: «Я сложил курган из твоих людей, такая же участь ожидает и тебя, неблагодарный, презревший договор подчинения и повиновения!» Железный Хромец грозился, но сам не чувствовал уверенности. Тохтамыш находился на своей земле, и каждый улус, всякое кочевье кормило его воинов, а отряды Тимура провели в длительных переходах четыре месяца, и пусть были они привычны к долгим походам, бескорыице и лишениям, но устали и ослабели. Только воинский азарт, вера в собственную удачливость заставляли повелителя Турана идти по этим землям поступью уверенного, сильного завоевателя. Он шёл по следам отступающих ордынцев, не пугаясь препятствий и возможной западни.

Хан Тохтамыш пялился в глубь собственных владений, по его приказу со всего огромного пространства воины угоняли скот, сворачивали юрты. Тумены смешивались с бегущим мирным населением, разрастались огромным комом. Порой необъятные для глаза массы людей напоминали осеннюю степь, по которой катятся тысячи шаров сухой травы, вырванных с корнем из родной земли. Так и они лишились привычных мест обитания, ветер перемен уносил стойбища и айлы вслед за отходившими войсками, чтобы не оставить наступавшему на пятки врагу достойного пропитания. Грандиозное это бегство можно было наблюдать целый день: многотысячные отряды сменяли бесчисленные

обозы, а за ними скрипели неуклюжие повозки, едва выдерживая тяжесть взгромождённых на них кочевых юрт. Рядом степь вскипала пыльным облаком под копытами бескрайних табунов, наполнялась ревущими стадами, блеющими отарами. Степь стонала под сотнями тысяч ног, копыт, колёс, которые топтали её многострадальную грудь.

Правитель Великого Улуса, измотав воинов Тимура, готовился встретить их на реке Кондурче. Хан Тохтамыш спрашивал совета у военачальников о местоположении битвы и расстановке сил, но прославленные командующие вели себя неуверенно, опускали глаза и соглашались с любым словом повелителя. Тохтамыш, занятый предстоящей встречей с давним противником, не разглядел опасности, притаившейся за спиной. Он не видел измены, поспевавшей за плечами, среди его огланов, не чувствовал смрада от плода предательства, созревшего настолько, что великому эмиру Тимуру оставалось лишь протянуть руку, дабы изменники пали на колени перед ним.

Двухсоттысячное войско правителя Турана подошло к Кондурче в начале месяца раджаба 793 года хиджры¹. Ордынцы уже раскинули свой стан на речном берегу. Исполины встали друг против друга, ожидая, когда два человека, которым была подвластна эта огромная мощь, подадут знак к кровопролитному сражению.

Тимур Гурган собрал военачальников в шатре. Среди них были сыновья, внуки и отличившиеся в победоносных битвах нойоны; особой кучкой стояли те, кто перебежал от хана Тохтамыша. Он оглядел всех, выхватывая из полумрака лица Миран-шаха, Омар-шайха, Бердибека, хаджи Сейфаддина. Среди перебежчиков уверенностью и смеющейся выделялся Идегей. Мангытский эмир нравился стареющему правителью, мало в ком он видел столько отваги и

ума. Когда Идегей вместе с царевичем Тимур-Кутлугом смиренно просили убежища от гнева Тохтамыша, повелитель Мавераннахра принял их с благосклонностью. Ордынцам дали кров и приняли при дворе, как ближайших друзей.

Тимур Гурган порадовался бегству ближайших сподвижников Тохтамыша. Если хана покидали первые лица, сидевшие по правую руку государя, значит, не так крепко стоял трон бывшего вассала. Неудачи Тохтамыша при его последнем походе окончательно поколебали столп могущества сарайского повелителя, потому даже в столице среди придворных хана находились недовольные. Оставалось сделать правильный ход, – и тогда Тохтамыш падёт. Но несмотря на благоприятные условия и сведения, которые доставлялись в Самарканд опытными лазутчиками, великий эмир долго не решался бросить свои силы на Орду, и только Идегей убедил его в этом. Его речи воспламенили воинственную искру в правителе, всегда предпочитавшем хорошую битву дипломатической игре. Слова Идегея и сейчас сидели в голове Тимура, и порой он повторял их, еле шевеля высокими губами. «Ты, повелитель Вселенной, устремляешься в страны дальние и местности дикие и заброшенные. Ты не боишься пересечь высокие хребты и бурные реки, ты идёшь по бесплодным пустыням так легко, словно на пути твоём благословенные оазисы. Но прямо перед тобой лежит добыча нетрудная, которую ты возьмёшь лишь взмахом меча. Для чего же мешкать и дремать? Зачем медлить и отлагать? Никто тебя не задержит, и никто не даст достойного отпора! О, джихангир, сокровища Орды, что копились сотни лет, станут твоими, и богатство придёт к тебе своими ногами!»

– И будет наказан строптивец Тохтамыш, – прикрыл глаза, добавлял Тимур.

Он не испытывал к ордынскому правителью ненависти, скорей недоумение: почему хан, обязанный ему всем, отплатил за его покровительство чёрной неблагодарностью. Тохтамыш пришёл

¹ Битва на Кондурче произошла 18.06.1391 года или 8 раджаба 793 года хиджры...

к нему в страшный год смерти старшего и любимого сына Джихангира. Его наследник покинул мир в рассветные годы, Тохтамыш был старше Джихангира, но тоже молод, и лёг на сердце Тимура, полюбился, как сын. Хотя, пожалуй, великий эмир лукавил сам с собой, не сыном стал для него Тохтамыш, а средством к подчинению золотого ордынского трона. Но как много он сделал для этого потомка спесивых и гордых Джучидов, а Тохтамыш надел хансскую шапку и позабыл о благодеяниях Тимура. За долгую жизнь правителю Мавераннахра приходилось видеть много неблагодарности, но не всегда он поднимал при этом карающий меч, научился он пропускать мимо ушей наусыкивания тех, кто желал его руками убрать своих врагов. Выслушивая горячие речи Идегея, джихангир мог промолчать и переждать, его влекли земли Индии и оставались незаконченными дела в Азербайджане и на Кавказе. Но Тимур пошёл на Сарай ал-Джадид, к этому решению его подтолкнули не только слова мангыта, а серьёзное опасение. Великий эмир остерёгся воевать на чужих землях, ведь тогда Тохтамыш вновь придёт в благословенный Туран, будет жечь и грабить его владения. А там, кто знает, не повернётся ли удача лицом к хану? Джихангир сердито хмурился, думая об этом, и говорил уже уверенно, без сомнений:

— Тохтамыш должен быть наказан, я так хочу!

Он и сейчас, начиная военный совет, повторил слова, не выходившие из головы. Багатуры, которые привыкли подчиняться беспрекословно, почтительно склонили головы:

— Слушаемся и повинуемся, повелитель!

— А теперь смотрите сюда. — Тимур указал на карту, спешно раскиданную перед ним. — Тохтамыш шёл впереди нас и мог выбрать лучшее место для сражения, но Аллах помутил его разум, и он выбрал худшее. В случае вынужденного отступления его воины упрутся в воду, если же придётся отступить

моим туменам, у нас найдётся место для передвижений, — мы отойдём сюда, к Чёрной реке.

Корявый палец старика уткнулся в изогнутую линию, которая изображала реку Сок.

— Здесь мы сможем создать крепкие оборонительные сооружения, и я хочу, чтобы их принялись строить уже сейчас. А завтра мы расставим силы так: сюда авангард, левое и правое крыло раскинем перед холмами. Мой тумен останется в запасе и вступит в бой, когда понадобится.

Совет затянулся за полночь, в шатре говорил только повелитель, все остальные лишь кивали головами, восхищаясь полководческим гением великого эмира. А Тимур выставил на карту любимые им деревянные фигурки и двигал их по карте. Он разделил своё войско на семь кулов¹, для прикрытия левого и правого крыластавил по кулу, усилил главный отряд и оставил один кул на резерв. Особое внимание Тимур уделил канбулам², призванным поддерживать основные крылья войска. Расставил он и лучников, и копейщиков. Военачальники, как только получили приказы кому и как действовать в предстоящем сражении, поспешили к воинам.

Тимур остался один, он ещё долго передвигал покерневшие от времени фигуры, любовно поглаживал их. Он возил их с собой во все походы, оберегал, хранил, они были его талисманом, залогом неизменной военной удачи. И сегодня он верил в их чудодейственную силу, верил, что предстоящий день наградит его заслуженной победой.

Доложили о Тимур-Кутлуге, ордынец торопливо склонился перед эмиром:

— Повелитель, позвольте говорить.

— Что ты хотел, царевич?

— У меня остались верные люди в стане хана Тохтамыша. Позвольте подкупить одного из них.

¹ Кул — корпус, численность которого колебалась и состояла из нескольких тысяч человек.

² Канбулы — отряды боевого охранения.

– Кого? – нахмурился Тимур. – И какая нам с того выгода?

– Это ханский тугчи¹, повелитель. В нужный момент он бросится назад, и ордынцы примут это за сигнал к отходу. Они побегут, а врага всегда легче нагонять, чем встречать лицом к лицу.

Тимур недовольно засопел, но спустя мгновение хмуряя складка на лбу разгладилась. Он и сам не раз применял хитрые уловки, когда брал неприступные города и вступал в тяжёлые битвы. Разве сейчас не такой момент, и Тохтамыш не опасен, не равен ему, эмиру Тимуру, по воинским силам? Почему бы не согласиться с предложением ордынского перебежчика? Если он спешит погубить своего бывшего господина столь бесчестным способом, стоит ли ему мешать? И он дал знак Тимур-Кутлугу.

Утром оба войска встали друг против друга. Взревели карнаи, словно диковинные животные вскинули длинные тонкие шеи высоко в небо. Карнаи дали сигнал к началу битвы, их призыв недолго отдавался в ушах воинов, всё перекрыл нарастающий гул сотен тысяч сдвинувшихся с места ног, лошадиных копыт и яростного вопля, вырвавшегося из людских глоток. Они пошли в бой, воодушевлённые речами своих командующих, пошли, чтобы схлестнуться в смертельном водовороте и убивать, резать, колоть, рвать на части противника. Не было в этот момент в их душах ничего, кроме ненависти и желания победить.

Ордынцы, уверенные в своём превосходстве, бросились на врага первыми. В тыл правого кула, которым командовал хаджи Сейфаддин, зашла конница эмира Исабека. Мангыты беспощадно рубили туранских воинов, напирали и теснили их. Вскоре раздались победные крики и на левом фланге, там противника атаковали быстрокрылые тысячи солтана Джеляльуддина.

Эмир Тимур получал тревожные со-

общения: его багатуры опасались быть окружёнными, связь между ними нарушилась, а у Тохтамыша центр и оба крыла войска сохранялись в полной боевой готовности. Казалось, до победы хана оставалось совсем немного, ордынцы повсюду опережали врага. Только в одно мгновение что-то сломалось в стремительной атаке, словно сорвалась натянутая тетива, а стрела осталась в руке охотника. Поначалу никто и не понял, отчего державшие превосходство воины Тохтамыша стали отступать. А случилось предательство, задуманное Тимур-Кутлугом, – подкупленный ханский тугчи посреди бурлящего воинского потока вдруг отступил, а после и вовсе уронил бунчук повелителя. Во всех битвах это был знак к отступлению, признак поражения, либо гибели предводителя. И ордынцы, обманутые этой видимостью внезапного несчастья, заскользились, отовсюду слышались противоречивые команды, чьи-то отряды не выдержали, кинулись бежать, обнажая центр. Замешательство стоило дорого, тумены эмира Тимура не терялись, они бросились вперёд и перехватили инициативу. Теперь уже воины Турана принялись рубить, сечь и наступать.

До повелителя Орды не сразу донесли о переломе в битве, первым весть сообщил гонец от Джеляльуддина. Конь под всадником горячился, грыз удила, приседал, словно спешил назад в толчью из человеческих и лошадиных тел. Едва удерживая скакуна, гонец торопливо выкрикнул:

– Измена, великий хан! Князь Тегин бежал, и царевич Бекбулат увёл своих воинов! Джихангир Тимур наступает...

Тохтамыш очнулся уже за рекой, лес скрыл повелителя от чужих глаз. Порывы сильного ветра гнули верхушки вековых деревьев, и они тяжко клонились и стонали, словно оплакивали погибших. Половина огромного ханского войска полегла в этой битве, пала жертвой бесчестного предательства. Остальные рассеялись как дым, разбежались по степи, попрятались

¹ Тугчи – знаменосец, тот, кто нёс во время сражения туг или бунчук повелителя.

по урманам, которые уже встречались в этих местах. С трудом сойдя с коня, Тохтамыш опустился у воды. Лесной ручей петлял среди деревьев, окунался в овраги и вновь вырывался на просторы полян, он был свободен, как ветер, и волен бежать, где ему вздумается. А куда было теперь идти правителю, который ещё утром владел огромным улусом и землями на сотни фарсахов¹ пути? Ему, повелителю, потерявшему своих подданных, негде было преклонить голову.

Тохтамыш провёл рукой по лицу, на лбу и щеках коркой застыла грязь и чужая кровь. Он помнил, как рубил саблей, отчаянно пробивался из окружения. Рядом падали нукеры охраны; они подставляли собственные тела под стрелы и копья противника, защищая своего господина. В ушах до сих пор стоял многотысячный гул сражения: вопли безысходности, крики ярости, предсмертные стоны, хрипы и ужасающий лязг скрещивающегося железа. Хан не помнил, как остался один, как переплыл реку, держась за гриву коня, и после мчался, пришпоривая скакуна, к темневшей вдали кромке леса. Даже, когда оказался в лесу, не остановился, пока ветви не исхлестали лицо и не заставили очнуться.

Тохтамыш с головой окунулся в воду ручья, жадно пил, хватая пересохшим ртом ледяную прозрачную воду. Показалось в тот миг, что не пил ничего вкусней, у этой воды был особый вкус – вкус жизни. Хан поднялся, отёр мокре лицо рукавом казакина, стащил сдавлившую грудь кольчугу. Он вскинул голову навстречу гулявшему ветру и крикнул громко, грозя тому далёкому, кто праздновал сейчас победу:

– Я жив, а значит, ничего не кончилось! Ты слышишь, Хромец?! Хан Тохтамыш ещё скажет своё слово! Потомок великого Чингисхана всегда будет превыше тебя!

¹Фарсах – мера длины. Среднеазиатский равен примерно 8 534,25 метра. Персидский фарсах измерялся расстоянием, которое проходил караван за день.

Его срывающийся голос вознёсся к вершинам деревьев и затерялся там, не принеся назад ни эха, ни отголоска.

Глава 3

По стойбищам ногайцев сновали посланцы в красных шапках, отороченных мехом огненной лисицы. Гонцов узнавали все, они прибывали от самого эмира Тимура, зазывали людей за собой, на богатые земли Сыр-Дарьи.

– Наш великий эмир, завоеватель Вселенной, Тимур Гурган мечом взял земли Тохтамыша. Ныне со всеми улусами, пастбищами и скотом вы принадлежите Мавераннахру. Ступайте туда, куда прикажет ваш новый повелитель!

Кочевники переглядывались с недоумением. Лето вступало в самую сочную пору, травы выросли по пояс – раздолье для табунов и скота. Куда их звали нукеры Тимура? Что они должны были искать в чужих землях?

Но только покидали кочевые посланцы джихангира, как приезжали свои – нукеры Идегея. Эти говорили слова противоположные, уже от имени эмира из рода Ак-мангыт:

– Говорю я, Идегей, вам, мои сородичи, племена левого крыла Великой Орды. Настали чёрные времена, смуты и беды ожидают нас. Приказывает вам великий эмир Тимур идти в его земли, но не слушайтесь. Как придёте к Самарканду, повелитель рассеет вас, словно речной песок, и род простится с родом, а отец с сыном. Но и остаться на своих пастбищах вам нельзя, ослушников карают жестоко! Повинуйтесь мне, кочевые племена: берите своих жён, детей, скот и юрты и идите в дальние степи, не оставаясь на одном привале более двух дней, ибо слуги Тимура нагонят вас. А когда придёте туда, куда укажут мои люди, становитесь кочевьем. То будет ваша новая земля, и туда приду я, и под моей защитой вы окажетесь в безопасности. Такое мое слово! Так повелевает ваш эмир Идегей!

Мангыту покинуть благоденствующего Тимура Гургана оказалось легко.

Грозный воитель упивался плодами победы и забыл о своей извечной подозрительности. Когда Идегей смиренно попросил отпустить его к родичам, дабы лично привести их под сень власти нового повелителя, джихангир дал своё благосклонное разрешение. Вереница возов с богатой добычей, сопровождаемая тысячами воинов, потянулась от стана правителя Мавераннахра, – Идегей спешил уйти с места стоянки Тимура, с острова Уртюбе. А туранцы отдыхали, собирались с силами перед возвращением на родину, но военачальники, разгорячённые недавней победой, звали великого эмира на штурм Хаджитархана, к стремительному набегу на Сарай ал-Джадид. Сейчас эти города остались без защиты. Богатые и обширные они манили к себе жадных до наживы вельмож. Но Тимур не желал испытывать судьбу, он и так считал Улус покорённым. Государство с огромными территориями и неисчислимыми людскими ордами, будто рука избалованной, но подчинившейся ему красавицы, легко на его ладонь, скрюченную старостью и былыми ранами. Зачем рушить цветущие города, которые и так пали к ногам, неразумно и расточительно уничтожать собственные ценности. Помнилось, что и войско его понесло большие потери, он оставил на поле сражения восемнадцать могил темников, ни к чему подвергать багатуров новым испытаниям. Но, а если кому-то не терпится, никак не сидится среди пирров и целых гор с захваченным добром, то...

– Вам мало битв и сражений, недостаточно добычи? – спросил он у военачальников. – Так ступайте на земли вассалов Тохтамыша и возьмите с них всё, что вам причитается.

Как только были произнесены заветные слова повелителя, отряды бросились грабить окрестности и улусы, раскиданные по обе стороны могучей реки. Первыми их грабительским набегом подверглись булгары и мокша. Воины великого эмира вернулись в лагерь, сгибаясь под тяжестью добычи. Лоша-

дей, верблюдов, баранов и быков было так много, что победители не знали, как угнать столь бесчисленные стада и табуны в Мавераннахр. Как водится, в лагере объявились перекупщики, которые всегда отличались отменным чутьём на наживу. Они за бесценок скупали невольников, скот и прочее добро. Воины легко прощались с добычей, монеты, чей звон тешил слух, везти было куда легче, чем гнать людей и табуны.

В этой суматохе никто не вспомнил об Идегее и не искал в огромном стане обещанных им мангытов. А эмир нагнал своих соплеменников у реки Яик близ шумного города Сарайчик. Собрав мужчин на родовой совет, Идегей объявил себя беклярбеком, старшим над эмирами, господином и покровителем племён. Мангыты и ногайцы, которые покинули привычные для них места и опасались гнева Тимура, склонили головы перед Идегеем, чей отец некогда правил ими. Никто и не вспомнил в тот час про старшего эмира Исабека, а он остался верным хану Тохтамышу и, как все преданные повелителю алпауты, скитался где-то в чужих землях.

Идегей ощущал себя победителем. Сбылись его давние мечтания, он стал повелителем и главой ногайцев и мангытов, и на голове его красовалась шапка, сравнимая лишь с ханской. В этот час он поспешил к той, ради кого стремился к цели и достиг невиданного могущества. Первейший среди кочевых эмиров откинул полог юрты Джанаки и вошёл, по-хозяйски оглядев убранство жилища. У слуг не хватало времени, но они постарались на славу, выискали в возах с добычей ковры, цветные войлоки, низкие лаковые столики, серебряные кувшины и чаши. Эмир взглянул на Джанаку-ханшу. Она сидела на мягких подушках, опустив глаза, пальцы её машинально перебирали драгоценности, которые муж прислал накануне.

– Джанака.

Женщина вздрогнула, заслышав его голос. Во вскинутых, удлинённых сурьмой глазах он разглядел слёзы, а она

поспешила укрыть их за радостным возгласом:

— Они очень красивые, мой муж, — ожерелье и серьги.

Она протягивала ему драгоценности, словно хотела, чтобы и он полюбовался отделкой и камнями.

— Джанака! — Он глядел на неё торжествующе. — Я провозглашён беклярбеком Мангытского юрта. Я занял место своего отца, теперь я — первый среди мангытов и ногайцев!

Он опустился рядом с ней:

— А ты — моя царица.

Его рука скользнула по лицу женщины, вынуждая её взглянуть на него:

— Ты не рада, хатун? О чём думаешь? Если о нашем сыне, оставленном в старом аиле, то скоро он будет с нами. Я послал за ним людей. Или иное беспокоит тебя, поверь мне свои думы.

Она взглянула робко, словно опасалась, говорить ли ей. Наконец, выдохнув, прошептала:

— Я не могу спать ночами, боюсь за отца. Скажите, эмир, что с ханом Тохтамышем?

Она со страхом ожидала ответа, глядела на широкоскулое, смуглое до черноты лицо Идегея. В его раскосых глазах не было ни гнева, ни сочувствия, одна пустота, которой Джанака боялась больше всего. Эмир притянул женщину к себе, поцеловал сначала легко с нежностью, а после с силой, укусив губу. Она вскрикнула, прижала ладонь к кровоточащей ранке.

— Твои губы были сладкими, а теперь солёные от крови. Но какие бы они ни были, не хочу, чтобы они произносили имя «Тохтамыш». Забудь о нём, слышишь, жена, забудь навсегда.

Голос нового беклярбека мангытов был тих, но ханская дочь расслышала в нём угрозу и поспешила склонила голову.

Великий эмир Тимур отбыл в Самарканд, так и не дождавшись Идегея с его людьми. Не оказалось в свите повелителя и царевичей Тимур-Кутлуга и Бекбулаты. Повелитель отправил за

ними гонцов, но посланцы вернулись с недобрными вестями. Бывшие союзники на покинутых просторах Великого Улуса нашли свои царства и не пожелали признать верховенства Тимура. Идегей возглавил Мангытский юрт, Тимур-Кутлуг сел в Хаджитархане, а оглан Бекбулат в искусстве предательств и измен превзошёл всех. Он, который в разгар битвы при Кондурче покинул Тохтамыша, теперь изменил и джихангиру Тимуру. Бекбулат отправился в верховья Дона, где и объявил себя независимым ханом. Но вскоре этому хану стал тесен собственный удел, Сарай ал-Джадид оставался беззащитным и одиноким, трон повелителя пустовал, и новоиспечённый господин направил свои тысячи к городу. Хан легко овладел столицей, в которой царили беспорядок и неразбериха. Дворец Тохтамыша, его жёны и богатства — всё досталось Бекбулату. Новый правитель, воцарившись в Сарае, повелел выбить монеты со своим именем и с излюбленным титулом ордынских ханов «Султан правосудный».

Глава 4

Царевич Джеляльуддин следовал по землям Польского королевства. Ему с небольшим отрядом удалось вырваться из жестокой сечи и уйти от преследователей, а ещё забрать из подверженного избиению стана маленького сына.

Мухаммада солтан взял с собой, когда выезжал из Саarya. С того времени, как в степи трагически погибла мать мальчика — Нисабика, Джеляльуддин опасался потерять сына и не покидал столицу без него. Даже высокое покровительство деда не давало уверенности в безопасности наследника. Брать пятилетнего ребёнка с собой на битву считалось верхом безумия, но Джеляльуддина никто не мог переубедить. Зато маленький Мухаммад был в восторге. Его перед сражением облачили в настоящие доспехи, выкованные для него ханским кольчужником, нашлась и сабелька по руке, а лук со стрелами мальчику подарил сам повелитель.

Мухаммад и теперь восседал в полном военном облачении на лошади вместе со своим атала́ком Ураком. Маленький солтан устал и хотел спать, бесконечная дорога утомила ребёнка, его глаза невольно закрывались, но он через силу таращил их, пытаясь совладать с собой. Наконец, не выдержав, мальчик прижался к широкой груди юзбаши Урака и провалился в глубокий сон. Атала́к не стал беспокоить воспитанника, придержал его одной рукой, а другой крепко сжал поводья.

Солтан Джеляльуддин бросил на заснувшего сына короткий взгляд и снова отвернулся. Тяжёлые мысли не покидали его. Большая битва была проиграна, целые тумены полегли в кровавой бойне, погибли десятки военачальников – его друзей и соратников. Он не знал, что случилось с отцом: убит ли хан Тохтамыш, захвачен в плен или бежал, как и они. А если повелителю удалось скрыться, то куда он направил своего коня?

Сам солтан решил скрыться у Ягайло. Великий князь Литовский и Король Польский Владислав II Ягайло оставался преданным вассалом Великого Улуса. Джеляльуддин помнил об обещании правителя в случае несчастья приютить высокородных беглецов и помочь вернуть сарайский трон. Царевич уверененной рукой направлял свой отряд в Krakow, но перед воротами ляшской столицы тоска защемила сердце, затомила, и не было мочи терпеть. Ему не хотелось глядеть на иноземные каменные города, слышать чужой говор; понестись бы назад по вольной степи с сотней удальцов, вдохнуть воздух, перемешанный с запахами горящего кизяка, полыни и кислого кумыса. А может, вернуться к великолепному многоликому Сараю, поднять по дороге кочевников, орды и племена и отбить столицу у завоевателей. Подумал и сник, сражённый доводами собственного рассудка. Нет, не помчится он назад, не станет действовать сгоряча. Да и кого можно собрать в разорённой, ограбленной степи, если мангыты подчинены изменнику Идегею, а воины верных племён

полегли в жестокой сече или рассеялись по чужим землям? Нет! Как бы ни хотелось заняться делом немедленно, он должен остановиться, подумать и решить, как действовать дальше. И без помощи Ягайло не обойтись. Джеляльуддин подумал о польском господине и возникло из глубин памяти нежное белое лицо в обрамлении белокурых волос. Королева Ядвиги... Помнит ли она о нём и об обещаниях поддерживать Великую Орду и направлять на этот путь своего супруга? А пуще всего хотелось знать, не забыла ли прекрасная Ядвига о его губах и горячих объятьях в каменном гроте. Ведь если он тогда не знал, что за женщина вызвала его на тайное свидание, то она-то знала точно, однако позволила себе, прежде чем оттолкнуть, окунуться в безумное блаженство.

Солтан вновь повернул голову, примечая где находится Мухаммад. Мальчик всё ещё дремал в седле Урака-бashi. При взгляде на сына Джеляльуддин подумал и о его матери, и вновь защемило сердце былыми сомнениями. Он так и не узнал, кто повинен в гибели Нисабики? Немыслимо, чтобы шайка степных удальцов, грабившая караваны, могла напасть на высокородных вельмож и перебить их всех с невиданной жестокостью? Так говорили во дворце все, но он не верил, иное нашёптывало сердце. И образ Нисабики не отпускал, словно молил об отмщении!

За думами Джеляльуддин не заметил, как подъехали к каменному мосту, перекинутому через ров. В канаве плескалась зелёная тенистая вода со зловонным запахом, и царевич невольно поморщился. Копыта коней звонко пощекали по каменному мосту, а после застучали глухо по деревянному подъёмному настилу, ведущему к главным воротам Krakowa. Над замшелым сводом ворот нависла мощная железная решётка, и воины опустили копья, чтобы не зацепиться за преграду. Теперь они были под защитой крепкой цитадели и под не менее надёжной опекой королевской четы. Следовало довериться судьбе,

прежним обещаниям Ягайло и верить, что они остались нерушимыми.

Солтан задержался в польских землях до осени. Владислав-Ягайло тянул с обещанной помощью, отговариваясь своей бедой – князем Витовтом. Все его разговоры крутились вокруг неискончаемых раздоров с двоюродным братом. Разлад между ними существовал всегда, но в последние два года пропасть в отношениях стала растя с угрожающей быстротой. Витовту так и не подтвердили права на Волынь, а в литовскую столицу прибыл ставленник ляхов с целью возглавить местный гарнизон. Оскорблённый и обойдённый князь вновь задумал обратиться к Тевтонскому Ордену.

Запахи разгоравшейся войны уже носились в воздухе, в Краков приходили тревожные слухи. Двадцать четвёртый великий магистр Ордена Конрад фон Валленрод бросил клич наёмникам в Англии, Франции и Шотландии. Витовт готовил для новых битв свои отряды. Польский король и великий князь литовский Ягайло в ответ предпринял шаги для подготовки гарнизонов, разослав по вассальным городам приказ готовиться к обороне. Но в самом Кракове близость военных действий старались не замечать. Двор проводил время в роскошных празднествах и развлечениях. Король всеми силами стремился отвлечь польскую шляхту от недовольств, которые высказывались ему с грубой резкостью, присущей гордым панам. Шляхта не скрывала разочарований в супруге королевы Ядвиги. После подписания Кревской унии они ожидали усиления Польского королевства, распространения влияния на Галицию, Молдавию и Валахию. Но вместо процветания политика Ягайло привела магнатов к бесконечным войнам в Литве, разорению земель и напряжённым отношениям на севере.

Как не закручивали вихри польско-литовских распрай солтана Джеляльудина, он старался держаться в стороне. Помня об обещаниях короля, он всегда

находился рядом и всем своим видом напоминал Владиславу-Ягайло о притязаниях ордынцев. Но король, которого вынудили метаться меж двух огней, даже при горячем желании не мог поддержать солтана. Он от всего сердца желал помочь Орде обрести своего прежнего повелителя, короля вполне устраивали их дружеские и добрые отношения, замешанные на взаимовыгодной торговле, на союзе двух сильных государей, готовых протянуть друг другу руку помощи. Каков будет новый правитель, если не вернуть Тохтамышу трон, что за хан встанет во главе Сарая? Будет ли он так же дружелюбен и миролюбив, или пожелает увидеть в польско-литовских землях неиссякаемый источник наживы и бросит вперёд свои тумены? Вот о чём думал Ягайло, и Джеляльуддин ясно читал эти мысли на мрачном лице краковского господина. Только среди этих понятных ему рассуждений, мелькало и кое-что другое. Не задумывался ли в это время король о том, жив ли ещё Тохтамыш, и не хранит ли он верность призрачному повелителю, тени давно ушедшего хана? Подобные мысли терзали и Джеляльуддина, ведь отец до сих пор не приспал вести о себе, хотя солтан давно отправил по улусам своих гонцов с приказом отыскать хана и доложить об их местонахождении.

Пока вернулся лишь один из посланцев, чей путь лежал в Сарай ал-Джадид. Вести он принёс неутешительные: накануне его прибытия столица была захвачена царевичем Бекбулатом. Но даже дерзкий оглан, который объявил себя ханом и узурпировал власть в Сарае, ничего не знал о Тохтамыше. Никто не ведал, где скрывается прежний повелитель Орды, а если он уже пребывал в садах Аллаха, то где же нашёл последний приют?

Молва о возвращении Тохтамыша в родные степи прилетела с разных сторон. На закате лета прискакал гонец от самого повелителя, он доложил о пребывании хана на Кавказе, где Тохтамыш

собрал несколько отрядов и двинул их на Дешт-и-Кипчак. А ко двору Ягайло тем временем прибыл важный и напыщенный посол от хана Бекбулата. Ильчи от имени своего господина требовал признать власть нового правителя Улуса Джучи. Он упомянул и о появлении беглого хана, но самоуверенно изрёк:

– Народ Великого Улуса никогда не примет Тохтамыша. Хан навлёк на наши кочевья и города большое бедствие. Племена потеряли своих предводителей, дети – отцов, жёны – мужей. По вине Тохтамыша воины эмира Тимура оставили нас в нищете и разорении. Лишь хан Бекбулат в силах удержать Орду в едином кулаке, дать народу мир и процветание, дабы жил он в довольстве и счастье.

Ягайло хвалебную речь посла выслушал, не выказывая эмоций, но только проводили ордынца со двора, пригласил в приёмную царевича Джеляльуддина и сообщил ему радостно:

– Мы счастливы, что хан Тохтамыш находится в добром здравии и готов вернуть себе трон. О том, сколько людей смогут дать вам на подмогу, подумаю, ведь Витовт продолжает грозить мне. Но пока я объявляю праздник в честь вашего отца. Будьте же на нём почётным гостем!

– Ваше Величество, благодарю вас за сердечные слова и намерения. Ваше приглашение честь для меня. – Джеляльуддин произносил учтивые слова, а сам думал, что предпочёл бы скорей получить воинов и отправиться на помощь отцу.

Но спорить с Ягайло не стоило, и вечером солтан отправился на пиршество, как того пожелал король.

Праздник выдался великолепным, с церемонными танцами, представлением шутов и фигляров, с ужином, где наряду с Ядвигой и Владиславом II славили хана Тохтамыша и ордынских царевичей. Разгульное веселье в королевском замке не коснулось лишь маленькой комнаты, где в одиночестве скучал мальчик. Его верный атала́к стоял на охране дверей, а Мухаммад разгляды-

вал из узкого окна сад, освещаемый фонарями. Королевский замок Вавель в сравнении с бело-голубым изяществом сарайского Алтын-Таша казался ему мрачноватым и неуклюжим. Сказания о Вавеле, которые ему пересказывал вечерами юзбashi Урак, лишь усиливали впечатления мальчика. А Урак любил смаковать подробности о драконе, который, по словам местных слуг, жил когда-то в пещере под горой, где возвышался замок. Поляки называли эту пещеру Смочья Яма и пугали ею своих детей. Мухаммад боялся оставаться в комнате один, страшный дракон виделся ему в изогнутых сучьях деревьев, в камнях и таинственных углублениях горы, но ни за что ни свете он не признался бы в своих страхах. Маленький солтан мужественно переживал своё заточение и никогда не просил атала́ка посидеть с ним.

А вот сегодня Мухаммаду повезло, дворцовый праздник даровал ему прекрасное и радующее глаз зрелище: он увидел фейерверк, который пускали для увеселения панства. Мальчика заинтересовало новое развлечение, появившееся в саду, – карусель. Ярко раскрашенное сооружение приводили в движение слуги, дамы восседали на широких сидениях с позолоченными спинками, подолы их платьев развевались, полы роскошных плащей летели следом. Женщины визжали от восторга, а у мальчика от любопытства и желания оказаться на месте дам горели глаза. Он долго наблюдал за развлечениями фрейлин королевы, пока не решился выбраться в сад. Оконце открылось легко, Мухаммад сел в проёме, держась рукой за раму. Но земля, до того казавшаяся близкой, превратилась в недосягаемую высоту, страшившую его, а карусель так манила, и восторженный смех дам говорил о таком необыкновенном удовольствии, что Мухаммад зажмурился, лёг на живот и принял медленно сползать вниз. Чьи-то руки легко подхватили его:

– О, малыш! Да ты никак сбегаешь от строгого воспитателя?

Мальчик ни слова не понял из того,

что говорили женщины, но глядел на фрейлин королевы широко распахнутыми глазами. Они казались ему волшебными красавицами, блестающими нарядами и драгоценностями. Женщины склонялись над ним, теребили его, щипали за щёчки, а одна, наклонившись совсем близко, обдала запахом духов и крепко поцеловала в губы. Мальчик испуганно отпрянул от фрейлины, а та весело рассмеялась:

– О, какой он сладкий!

И тут же её подруги накинулись на Мухаммада, поочередно тиская и целуя его.

– Он похож на отца, этого татарского принца, – кричала юная полька. – В его красоте есть что-то дикое и возбуждающее!

Мальчик пытался вырваться из бесстыдных объятий, сопротивлялся, пыхтел, но не в силах был преодолеть плen женских рук. Теперь эти дамы, прежде казавшиеся феями, превратились в ведьм, желавших выпить из него кровь. Не в силах преодолеть их натиск, Мухаммад отскочил к стене и выхватил маленькую сабельку.

– Молодец, сын! – Голос отца, раздавшийся внезапно, остановил женщин и заставил Мухаммада ещё крепче сжать рукоять оружия.

Джеляльуддин возник из темноты, с презрением взглянув на фрейлин, сгрудившихся около мальчика.

– В этой проклятой стране женщины не знают своего места. Они дерзки и развратны, и приучить к порядку их может только плеть!

Фрейлины молчали, смех покинул их уста. Они не понимали речей ордынского царевича, но его почерневшие от жгучей ярости глаза говорили о многом. Одна за другой они отступили в тень деревьев и исчезли в темноте сада. Солтан взял за руку сына, сказал строго:

– Пойдём, Мухаммад, найдём твоего аталаika и узнаем, как ты мог оказаться в саду?

Мальчик испугался за себя и своего воспитателя; отец в наказаниях бывал строг и даже жесток. Мухаммад хотел

заплакать, но вспомнил, что слёзы ещё больше сердили отца. Он засопел и всю дорогу шёл, едва поднимая ноги и думая, как он ненавидит этот замок, и как хочет вернуться в Сарай ал-Джадид к могущественному повелителю Тохтамышу, который для него был просто любящим дедом.

Глава 5

В комнатах стоял холод, несмотря на большие жаровни с углами, расставленными повсюду. Посол великого эмира Тимура знаменитый своим красноречием Шамеаддин Алмалыкский выводил калямом будущую речь на приёме у ордынского хана Тохтамыша. Речь не писалась, слова казались корявыми и неубедительными, застывали чернила, и Шамеаддин грел перо своим дыханием. Такого жуткого холода не бывало в благословенном Самарканде, да и в Сарае не помнили столь лютых морозов. Наконец, посол сдался, откинулся прочь калям, плотно закутался в меховую шубу и прошёлся по комнате, разминая ноги. Он напряжённо думал о завтрашней встрече с Тохтамышем. Он жаждал этой встречи, ибо готовился к ней долгие месяцы, но и опасался её последствий.

Минуло три года после битвы при Кондурче. Тогда повелитель Сарая был разбит, бежал из своего улуса, и никто не знал, жив ли хан Тохтамыш. Его царство рвали на части Тимур-Кутлуг, Бекбулат и Идегей, но недолго коршуны пировали на чужом пиру. Тохтамыш вернулся из небытия, и нашлись силы, которые помогли ему изгнать из Сарая временщика Бекбулата. Беглец поспешил укрыться в Крыму, но и там его настигла месть Тохтамыша: в тёплом краю, более похожем на рай, Бекбулат нашёл свою могилу.

«А хан крепко держится за власть, – рассуждал Шамеаддин. – Его столицу захватывали не однажды, только всех противников он прогнал. А после нашёл силы собрать в единый кулак разбежавшиеся улусы, и вассальные

государи признали его возвращение и стали вновь платить ордынский выход. Повелитель Тимур опасается не зря!»

Посол нахмурился, он вспомнил о недавно полученных сведениях и извлёк из широкого рукава тайные записи. Их он приберёт на крайний случай, если придётся уличать хана Тохтамыша в его вероломстве по отношению к правителю Мавераннахра. А в свитках было всё о переговорах Тохтамыша с польско-литовским господином Ягайло и египетским мамлюком Баркуком, а ещё с грузинским царём Георгием VII и великим османским султаном Баязилем I Молниеносным. У них ордынский хан просил военной помощи и замышлял недобрые дела против джихангира. Правители отвечали ему, если не согласием заключить союз, то сочувствием и поддержкой. Эмир Тимур, узнав о тайных сношениях грузин с Сараем, разгневался.

Не так давно привёл он этот народ к повиновению, а они вновь поднимали головы, готовили удар в спину. Джихангир в третий раз бросил на Грузинское царство самые отборные войска, но дерзкий предводитель Георгий, собрав под свои знамёна мятежников, не пропустил отважных багатуров Тимура через Дарьальское ущелье. Впервые джихангиру пришлось отступить перед беспримерным мужеством горцев нахов, переломав копья в каменных тесницах и ущельях. А тем временем войско Тохтамыша прошло через Дербент и принялось грабить и разорять ширванские земли, лежащие под рукой Железного Хромца. И Тимуру пришлось ощутить бессилие, когда до врага, находящегося так близко, не мог достать из-за упорства кучки храбрецов. Простить Тохтамышу пережитого недостойного чувства великий джихангир не мог, он приготовился к очередному витку войны. Но пока не пришло время для решающей битвы, и Тимур в своей обычной манере принял выжидать и тянуть с ответными действиями, для того и был прислан в Сарай ал-Джадид посол Шамеаддин Алмалыкский.

Этой ночью не спалось и хану Тохтамышу. Повелитель Великой Орды решал сложную задачу, он понимал: эмир Тимур прислал своего переговорщика не для объявления военных действий. Когда желают битвы, не шлют послов, тогда собирают войска и идут на земли врага. Но поверить в то, что непобедимый Тимур желает мира после того, как хан разорил Ширван, Тохтамыш не мог. Он достаточно пожил на этом свете, видел много предательства и измены, слушал речи хитрецов и льстецов, и сам хитрил и изворачивался. Но сейчас он не мог угадать одного, самого важного для него – каковы истинные намерения Тимура.

– Что желает хромой старик, – шептал Тохтамыш, – что он держит в мыслях, а что на сердце? Как мне говорить завтра с его послом: принять с почестями или прогнать с позором?

Он желал бы окончить дело с достоинством, только Тимур, который ничего не забывал и никогда не прощал, сможет ли выпустить из памяти годы противостояния и соперничества? Признает ли самаркандский правитель в нём, хане Тохтамыше, равного ему государя?

– Война, – забывшись, говорил вслух хан. Он мерил пространство огромного зала шагами усталого, согбенного заботами человека. – Орда не готова к новой войне с Тураном. Слишком велики были недавние потери, женщины не успели вырастить новых батыров, и в казне недостаточно денег. Богатые караваны обходят Сарай ал-Джадид стороной, а всему виной старик, засевший в Самарканде. Он возвысил себя до высот, которых недостоин, он желает распоряжаться потомками великого Чингисхана, как своими любимыми фигурками в игре шатрандж¹! Ничтожество, возомнившее себя божеством!

Гнев, распалившийся в сердце, был так силён, что повелитель уже не мог

остановиться. Он выкрикивал ругательства и проклятия, потрясал кулаками и обращал их к высоте куполообразного потолка. Но холодные стены внимали ему с равнодушием, и Тохтамыш внезапно смолк. Он без сил откинулся на подушки трона, сидел опустошённый, словно вся сила и желания ушли из него вместе с яростным выпадом. «Я заключил выгодную сделку с Русью, — отрешённо думал он. — Московский князь был рад прикупить к своим землям новые угодья², но Орда по сей день не получила обещанные обозы с воинским снаряжением».

Василий I ещё осенью сообщил, что послал из Москвы большой обоз с русскими доспехами. Но обоз шёл медленно, и хан чувствовал, как время, отпущенное ему, утекает подобно песку, сочившемуся сквозь пальцы. Тохтамыш протянул руку за кувшином с вином. Он не пил запретного питья всю свою жизнь, но к закату зрелых лет пристрастился к напитку, помогавшему обрести дух праздности, когда заботы и тревоги отягощали душу.

– О, вино, – шептал он, – ты даёшь одно за другим три плода: удовлетворение, опьянение и раскаяние. Такова и вся моя жизнь. Я был горд собой, когда вернул удел предков, а после расширил свои владения. Победа опьянила меня. Мне следовало не ссориться с Тимуром, а выждать, когда он станет немощен и стар. С его сыновьями я управился бы легко, и весь Мавераннахр лёг бы к копытам моего коня. И вот оно – пришло раскаяние, когда ничего нельзя исправить, не поломав того, что возводил долгие годы. Я ещё могу поклониться эмиру Тимуру, нагну спину, чтобы не потерять головы. Но тогда даже ничтожный невольник в моём дворце будет указывать на меня пальцем и говорить: «Вот повелитель, утерявший достоинство!» А такому не бывать!

¹Шатрандж – старинная игра, предшественница шахмат. По свидетельству современников Тимур очень любил эту игру.

²Тохтамыш, нуждаясь в деньгах, продал в 1393 году московскому князю право на владения городами Нижним Новгородом, Муромом, Тарусой и Мещерой.

Тохтамыш качнул головой, сквозь пелену замутнённого взгляда взглянул на роскошь Тронного зала:

– Лучше я потеряю эти стены, этот дворец, но никто не бросит мне в лицо, что Тохтамыш стал труслив, как собака, на которую хозяин замахнулся палкой. Я не боюсь битв, сражений, но, Всевышний, молю – укажи путь и скажи: «Вот твоя дорога, Тохтамыш».

Наутро повелитель Великой Орды принял у себя посла Мавераннахра. Речь Шамеаддина была блестательна, дипломат нанизывал восточные учтивости на искусно сотканную нить из надежд на примирение, согласие, но вплетал в мирную нить и колкие шипы тонких угроз. Речь посла лилась изысканным ручьём, но хан поймал себя на мысли, что она пуста, как гнилой орех. Раздави его, а внутри одна труха. Он оглядел вельмож, которые почтительными рядами стояли по сторонам роскошного ковра. Царедворцы в уважительном молчании сложили руки на животах, их взгляды не выражали ничего. Но, скажи он сейчас, что готов ухватиться за полуизвинения и встать на путь повиновения Тимуру, эти взгляды ожиут. И он найдёт среди них тех, кто давно желает сближения с Самаркандом и тех, кто возненавидит его за этот шаг. А после он может передумать. Хитрость была заманчива, так и тянуло сыграть задуманную роль, повести себя удручённо. Однако Тохтамыш не пожелал притворяться, но и слова горячности запрятал поглубже, опасаясь, чтобы хитрый посол не разгадал его намерения раньше времени. Ему, как и Тимуру, хотелось выждать, по весне можно было вновь послать гонцов к тронам Египта, Польши и Турции. Он мечтал соединиться с ними и вместе побить непобедимого Тимура. Тохтамыш благосклонно взглянул на дипломата:

– Я с почтением принимаю послание вашего господина. Но я не так красноречив, как вы,уважаемый Шамеаддин, мне нужно время, чтобы отписать достойный ответ. Прошу пока быть гостем в Сарай ал-Джадиде.

С той поры минул месяц, но никто не звал Шамеаддина во дворец Алтын-Таш. А зима уходила прочь, всё чаще из нависших туч стало являться солнце, и светило оно так ярко, что уже ни у кого не оставалось сомнений в приближении тепла. На земли Орды спешила весна. Посол великого эмира в один из таких дней отправился на самый большой базар Сарая. Ходил поначалу по рядам богатым, даже выбрал безделицу – расшитый золотыми нитями бархатный кошелёк, а после свернулся в ряды, где пахло сыромятными кожами. Ремесленники, торговавшие своим товаром из лачуг, которые служили им мастерскими, развешивали длинные ряды сбруй, колчанов для стрел и поясов, выставляли сёдла. Он ходил среди этих рядов, приценивался, подолгу разглядывал бросовый товар. Кожевники с удивлением взирали на его богатый кафтан с оторочкой из соболиных мехов, на дорогую саблю. Знатные покупатели редко заходили в их ряды, а этот, словно и не спешил покидать тесные, пропахшие кислой кожей лачуги.

В одном из закутков Шамеаддин увидел дервиша. Одежды нищего бродяги собрали в своих лохмотьях пыль и грязь всех пройденных им дорог. Он сидел на старой циновке, подогнув ноги, и раскачивался из стороны в сторону, монотонно подвывал понятные одному ему напевы. Дервиш вскинул нечёсаную голову в остроконечном колпаке, быстро поднялся и захромал навстречу послу. Чаша, болтавшаяся на его худой шее, жалобно звякнула:

– Подай, добрый человек, на достойные дела, и зачтётся на небе то, что совершил на земле.

Знатный вельможа на нищего взглянул с презрительностью, но сунул в чашу монету, а с медным кругляшом на дно лёг кожаный лоскут. Дервиш низко склонился, глухо забормотал слова благодарности, а Шамеаддин уже спешил прочь с базара. В тот же час кожаный лоскут с тайными письменами доставили самаркандскому купцу, отбывавшему на родину. Ещё раньше Шамеаддин

отоспал официальное письмо – бумагу, наполненную красивыми словесами, угодными для слуха Тохтамыша. Он знал заранее, что в первом же яме его гонцу подсыплют сонных трав, выкрадут донесение и перепишут для ордынского господина слово в слово. Пусть хан читает его письмо, радуется и успокаивается, а великий эмир получит то, что хотел сказать ему опытный ильчи с глазу на глаз.

Когда весна вступила в пору своей зрелости, Тимуру принесли донесение Шамеаддина. Он писал: «Отбросьте сомнения, мой повелитель, никогда более не наденет халат извинений ваш бывший вассал Тохтамыш. Готовьте своих воинов, ибо хан готовится к битве с вами...»

Глава 6

Любимый внук повелителя Мухаммад ехал в передовой тысяче своего отца. В начале весны правитель Мавераннахра эмир Тимур решился начать войну с Улусом Джучи. Об этом сообщил ордынский посол Уртак, отправленный ханом Тохтамышем с извинениями и просьбами о мире в Закавказье, где находился Тимур Гурган. Хану понадобилось несколько месяцев, чтобы смириТЬ свою гордыню, но он опоздал. Уртак, добравшись до Дербента, узнал об огромном войске, которое скопилось там. Уртак погнал коней посольства в обратный путь и доложил повелителю об опасности. Время затишья, фальшивого перемирия, хитрых учтивостей и расшаркиваний закончилось, в дело вступали боевые барабаны и вызывающий стук щитов.

Тохтамышу доложили и об уничтожении воинами Тимура союзников Орды – кайтаков. И пока джихангир добивал преданных союзников ордынского хана, сам Тохтамыш во главе основного войска поспешил навстречу противнику. Туда же направились отряды его вассалов.

Джеляльуддину хан отдал приказ сгонять со своих мест кочевья и не

оставлять на дороге противника ни одного жилища, косяка или отары. Огромное войско эмира поиздержало запасы в дороге, потому лишить врага возможности получить пищу и любую поддержку стало обязанностью солтана. Четыре года назад эта тактика сработала, не дала возможности Тимуру с лёгкостью прогуляться по землям Дешт-и-Кипчака, ожидали удачи в этом деле и сейчас.

С приходом нукеров Джеляльуддина в мирных кочевьях начиналась суэта. Из юрт выбегали женщины с тюками свёрнутого войлока и стопами одеял; мужчины сгоняли скот; с дикими криками проносились по айлам табунщики; мчались лошадиные косяки. Конские копыта поднимали клубы пыли, вытаптывали молодую только недавно проглянувшую траву. Над стойбищами поднимался небывалый шум: блеяли овцы, мычали коровы, круглогие волы крутили лобастыми головами, с неохотой подставляя их под жёсткие оглобли. Лишь верблюды сохраняли прежний невозмутимый вид, привычно опускались на мозолистые колени и дожидались, когда на горбах укрепят тюки и корзины с нехитрым скарбом степняков.

Девятилетний Мухаммад с интересом разглядывал местных девушек, даже в пылу суэты кокетки не забыли украсить себя традиционными уборами – бокка. Эти круглые сооружения покрывались шёлковой тканью, а поверху украшались перьями птиц и серебряными спицами. Они колыхались на головах степных красавиц, и куда бы девушки ни спешили и что бы ни делали, великолепные уборы сопровождали каждый их шаг мелодичным звоном спиц. Сборы кочевья были недолгие. Шатры-кутарме, не разбираясь, взгромождались на телеги, и волы, лениво перебиравшие ногами, увозили жилища степняков в неизведенную даль, туда, куда им приказывал идти повелитель Сарая.

Рядом с одним из таких кочевий отряды солтана Джеляльуддина шли целый день. Мухаммаду наскучил долгий переход, и он подобрался ближе к степ-

някам. В одном из шатров, взгромождённом на телегу, ехала круглица девчонка с чёрными раскосыми глазами. На голове её, как у взрослой, колыхалась бокка. Убор был не богатым, обтянут красной бумазеей и украшен медными монетками – пулами. И спица торчала из бокки обычная, железная, но девочка в головном уборе вела себя так, словно её волосы украшала ханская шапка в соболях и дорогих каменьях. Мухаммад приладил ход коня к неторопливой поступи волов. Девчушка поначалу и голову не повернула, сидела, не отрывая взгляда от дороги. Ханскому внуку вздумалось обратить на себя внимание: он пришпорил скакуна, легко умчался вперёд и так же быстро вернулся, вынырнув из оставленного им облака пыли; уронил на землю меховой малахай и подхватил его, свесившись под самые копыта коня. Девчонка заинтересованно повела глазками, но стоило Мухаммаду взглянуть на неё, вновь безучастно смотрела на дорогу. Мальчик рассердился, наступил, он не знал, что ещё сделать, о чём заговорить. А она завела беседу первой, как только добрались до реки и остановились на ночлег.

– Хочешь помочь принести воды?

Мухаммад даже оглянулся, ему ли это сказала гордячка до того целый день не замечавшая его. Но вокруг не было никого, и девочка улыбалась ему, показывая ровный ряд белых, как жемчужины, зубов. Мухаммад загорелся ответной улыбкой, вырвал из рук девочки кожаный торсук:

– Давай помогу!

Народ скопился у реки: кто поил лошадей и скот; кто зачерпывал воду в бурдюки и котелки. Поглядев на вскипавшую от гомона и тысяч ног речную воду, дети не сговариваясь прошли дальше. Когда стих шум большого лагеря, они спустились к темневшей реке. Мухаммад зачерпнул воду, а рука девчонки легла сверху на его пальцы:

– Дай мне.

– Почему?! Я сам могу! – сказал он с вызовом.

– Ты ещё маленький, – с чувством

превосходства усмехнулась девочка. – А меня уже хотят замуж выдать.

Мухаммад наступил, но блестевые озорным огнём глаза и ямочки на смуглых, напоминавших яблочки щеках кочевницы, так и зазывали.

– Я не маленький! – крикнул со злостью. – Захочу и поцелую тебя.

Глаза её округлились, она отступила назад, но вновь дерзко улыбнулась:

– А ну, поцелуй!

Мухаммад растерялся. Сколько раз он видел, как отец и его гости на разгульных пирах ласкали невольниц, но сам перед этим действом испытывал тайный страх, который остался с раннего детства, когда в далёком Krakowе фрейлины королевы Ядвиги тискали и целовали его, потешаясь над маленьким мальчиком. Но лобзания эти он помнил, и странно, в последнее время часто думал о них, стыдясь и томясь отчего-то. Юный солтан набрался смелости и шагнул к дочери степей. Он неумело стиснул её плечи, громоздкий головной убор мешал, и мальчик столкнул бокку на землю, а после, зажмурив глаза, ткнулся во что-то мягкое и влажное. Девчонка засмеялась:

– Смешной... смотри, как надо.

Она приблизилась к его испуганному лицу, со знанием дела вынула розовый язычок, быстро облизала им щёки солтана, а после принялась за его губы. Девчонка старалась, сопела, острые грудки скользили по бархатному казакину. Мухаммаду вдруг захотелось ощутить эти грудки всей кожей, и он потянул свой пояс, распахивая одежду, и уже решительно прижал девочку к себе, пытаясь повторять те же движения, что и она. Они путались, натыкались друг на друга носами, но не бросали своей забавы, пока над их головами не прогремел голос юзбashi Урака:

– Что за бесстыдство! Солтан, вас повсюду разыскивает отец!

Мухаммад покраснел и, как ошпаренный, отскочил от девчонки. Она подхватила на ходу головной убор, торсук и бросилась бежать по берегу. Сотник рассмеялся ей вслед и похлопал по

плечу сердито хмурившегося воспитанника:

— Не гневайтесь, солтан, рано вам ещё играть в эти игры. Придёт время, познаете женщин сполна. В них самая большая сладость, но и самая сильная боль, уж поверьте, Мухаммад.

Они шли по степи несколько дней, пока их не нагнали гонцы повелителя. В письме хан сообщал о разгроме джихангиром его передового тумена во главе с эмиром Казанчи. «Нам пришлось отступить за Терек, — писал Тохтамыш. — Теперь держим единственную в этих местах переправу и надеемся на милость Аллаха. Здесь вскоре определится исход войны». В страшных кровавых битвах, ценой которых должны были стать десятки тысяч жизней, решались и судьбы двух могущественных повелителей, оспаривающих своё первенство в мире великих правителей¹. Солтан Джеляльуддин повернулся коней своего отряда и поспешил на помощь отцу. Он молил Всеышнего лишь об одном: успеть к началу сражений.

Тохтамыш в предстоящем столкновении старался не допустить прошлых ошибок. Помня о неудаче на реке Кондурче, где войско оказалось прижатым к воде, хан приказал укрепиться на противоположном берегу Терека. Перед мелководьем принялись рыть канавы, устанавливать большие щиты-чапары и колья против конницы, строить изгороди, за которыми могли укрыться лучники и копейщики. Предпринятые меры помогли: туменам Тимура не удалось с ходу перебраться через речную переправу, и они вынуждены были остановиться и разбить лагерь. Два воинских стана, разделённые водной лентой, замерли как огромные хищные звери, затаились, ощетинившись и выставив когти. Они готовились схватиться в поединке, но река охлаждала азарт, мешала сцепиться сиюминутно.

Тимур стремился выйти на открытое пространство, где они могли вступить в открытую битву. Каждый день ожидания играл на руку Тохтамышу, к которому со всех сторон стекалась подмога — из Азака шли генуэзцы; с Закавказья прибывали ободрённые недавней удачей нахи; спешили аланы и черкесы. Огромное войско джихангира не могло выживать, оно и без того преодолело много-дневный путь, претерпело лишения и нехватку продовольствия. По дороге им не попалось ни одного кочевья, все степные аилы снялись с мест, остались на утоптанной почве лишь следы от стоявших раньше юрт. Щедрая степь словно вымерла, — ни одной, даже самой скучной отары или стада. Но туранцы Мавераннахра, храбрецы Хорасана и батыры Мазендерана и Килана, составлявшие основу войска великого эмира, закалились в тяжких долгих переходах. Они привыкли жить в походных заботах, терпеть холод и зной, выживать среди песчаных бурь и снежных буранов и сейчас, полуоголодные и уставшие, готовились ринуться в битву.

Тимур не медлил, после короткого отдыха дал приказ, и начались жестокие бои на переправе. Три дня воинам Тохтамыша удавалось удерживать позиции, но на третий — под прикрытием ночи — багатуры Железного Хромца преодолели препятствия и ворвались в спавший лагерь Тохтамыша. Положение спас мангытский отряд охранения, всадники отважно бросились на противника и дали возможность едва пробудившимся воинам прийти в себя. Вместе им удалось вытеснить туранцев за ограждения, но ордынцы потеряли выгодную позицию, джихангир вышел на простор, и теперь ожидалось столкновение огромных масс людей.

Эмир Тимур, верный своей тактике, и на этот раз разделил войско на семь корпусов, но предусмотрительно оставил резерв. Эти запасные тысячи спасали в самых безвыходных ситуациях, преломляли ход битвы, и самаркандский правитель всегда держал их под рукой. Тохтамыш же последовал ста-

¹ Решающая битва на Тerekе произошла 16 месяца сани 797 года хиджры или 15.04.1395 года.

рым принятым ещё у чингизидов манёврам, посчитал верной атаку противника с обоих флангов. Но устаревшая тактика не сработала, багатуры Тимура были настороже и отбили налёт ордынцев...

Джеляльуддин прибыл в лагерь повелителя в самый разгар противостояния двух гигантов: начиналось очередное сражение. Хан Тохтамыш бросил в бой основные силы. Тумены Актау Дауд-Суфи, эмира Утургу, Кунче-оглана и оглана Бек-Ярлыка атаковали левое крыло противника, а на правый фланг бросилась конница Исабека и Бакиш-Хаджи. Солтан Джеляльуддин во главе своего отряда с ходу ворвался в битву. Перед жестокой сечей он успел отдать приказ десятнику нукеров увести в лагерь сына. Телохранители, исполняя повеление, выставили копья, обступили Мухаммада с его воспитателем и принялись теснить к безопасному месту. Мальчик отчаянно противился, рвался в бой, махал своей саблей, откидывая щит, которым атальк пытался прикрыть его. Стрелы лучников сыпались смертоносным градом, одна впилась в плечо Урака. Старый юзбashi переломил древко, зажал кровоточащую рану рукой. Широко распахнутыми глазами Мухаммад глядел на страдания аталька, на воинов, которые падали повсюду, но бились не за жизнь, а за смерть. Мальчик притих и подчинился приказу отца. У ханского шатра всхлипывающего Мухаммада сняли с коня и в сопровождении раненого Урака укрыли внутри.

А битва продолжалась, и от много тысячного стона, яростных криков, предсмертных хрипов, топота копыт и звона сабель не слышно было голосов предводителей. Приказы доходили с опозданием. Хан Тохтамыш пытался помочь правому флангу, но эмиры, которые успешно теснили левое крыло Тимура, не видели ничего, кроме слабевшего в их тисках врага. Великий эмир не дремал, словно коршун он выпустил в бой резервный тумен. Запасные тысячи остановили мангитов Исабека и погнали их к реке...

Ещё два дня длились кровопролитные бои. Победа, как коварная красотка,

кружила голову то одному, то другому повелителю, пока не случилась очередная измена. И родилась она из вражды эмиров правого крыла – Актау Дауд-Суфи и Утургу. Темники давно соперничали между собой, сцепились и на этот раз, когда в одной из стычек погиб предводитель улуса бахранов Яглы-бей. Мудрому бею удавалось сохранять между давними недругами хотя бы видимость мира, он был их мостиком доброжелательности, который эмиры не смели переходить. Но погиб Яглы-бей, и спесивый Актау нашёл ничтожный повод, чтобы потребовать у хана Тохтамыша голову соперника. За Утургу водились грешки, но вина его была не так велика, чтобы лишаться жизни. И посреди незаконченных битв, когда все они висели на волоске от гибели, не было места притязаниям эмира из рода Суфи. Об этом и сказал Тохтамыш своему военачальнику, но вызвал лишь злобу и желание не повиноваться. Уже на следующий день эмир Актау подговорил военачальников правого крыла на измену, и в самый разгар сражения они покинули своего повелителя.

Джеляльуддин словно предвидел, чем закончится очередная битва. Ещё накануне он крепко обнял сына, распрощался с ним и повелел Ураку отвезти мальчика в его кочевые.

– Пора вашему воспитаннику познакомиться с родными своего аталька, – промолвил Джеляльуддин. И добавил, опустив голову: – Если нам не суждено выжить в этой войне или придётся вновь сделаться беглецами, пусть твой аил укроет царевича Мухаммада. А я буду знать, где искать сына, если Аллах смилиостивится и оставит меня в живых.

Мухаммад не слышал последних слов отца, он выискивал глазами среди бесчисленных шатров бунчук своего деда. Как ему хотелось перед разлукой уткнуться в шею хана Тохтамыша, сказать, как он его любит и как хочет увидеть победителем. Но едва ли среди жестокостей и смертей последних дней могущественный дед поймёт его порыв. Ещё примет мальчишескую чув-

ствительность за слабость и высмеет внука. Мухаммад смахнул непрошеную слезинку, решительно отвернулся от ханского шатра. В последний раз он выслушал наставления отца и направил коня вслед за аталаыком. В путь с ним уходило и шесть нукеров, которые остались живыми от десятка, что вывело юного царевича с поля боя в первый день. Эта была вся охрана, которую солтан Джеляльуддин мог позволить себе отправить с сыном в тяжёлый путь. Но та смертельная опасность, которая грозила мальчику в хаосе битв, не шла в сравнении с самой тяжкой и долгой дорогой. Солтан спасал своего наследника, не ведая, какие немыслимые испытания ждут Мухаммада на этом пути.

Глава 7

Юный солтан направлял усталого коня к холмам. Возвышенности едва вились в синей дымке утреннего тумана, и в их сторону указывал слабеющей рукой раненый аталаык:

— Мухаммад, да будет милостив к вам Всемогущий Аллах, помните: там, в урочище святого Ахмеда, живёт мой род. В аиле вы всегда найдёте приют и поддержку. И даже если мне не удастся добраться живым до тех мест, только назовите своё имя, и люди кочевья преклонят перед вами колени.

Мальчик настороженным взглядом обвёл унылый простор, места эти навевали тревогу, как и вся степь, ставшая вдруг чужой и враждебной. Опасности таились на каждом шагу. И родина воспитателя ему не нравилась, не хотелось проживать свои дни в задымлённой юрте. Слишком хорошо помнилась солтану дворцовая жизнь с её уютом и роскошью. Но вслед за воспоминаниями о мягком ложе, книгах, изящных безделушках и вкусных, сытных блюдах, вставали картины погрома, горящих аилов, смерти, гонящейся по пятам. Мухаммад быстро повзрослел и начинал понимать: дни беззаботной жизни остались позади, и теперь только юзбashi Урак мог дать шанс выжить среди псов, пущен-

ных по его следу. Но слабость старика, вызванная открывшейся раной, беспокоила Мухаммада. Сможет ли сотник добраться до своего аила, не оставил ли воспитанника одного на этой земле? Стремясь успокоить аталаыка, а скорей себя, юный солтан промолвил:

— Аллах велик! Мы доберёмся до ваших родных мест, уважаемый наставник, и доберёмся до них вместе.

Мухаммад не желал признаться даже самому себе, как он боится одиночества. Неприметная дорога в степи вела их всё дальше и дальше, а с нею неспешно двигались и мысли юного солтана.

Десять лет прожил Мухаммад, и все годы он был окружён заботой и любовью близких. Каждый подданный могущественного деда спешил услужить мальчику, все были рады оказаться рядом с любимым внуком повелителя. Он не знавал вкуса одиночества, но насмешливая судьба сменила свой ветер, и Мухаммад, который считал себя центром Вселенной, оказался никому не нужным. Только старый аталаык по-прежнему оставался рядом с ним, и в его аиле надеялся укрыться от превратностей злой судьбы внук ордынского правителя. Мухаммад не знал, жив ли его могущественный дед после столь сокрушительного удара, который нанёс Великой Орде повелитель Мавераннахра. В радужных надеждах мальчика хан Тохтамыш укрывался в лесистых землях своих обширных владений, копил там великую силу и ожидал момента, когда можно будет нанести ответный удар по империи злого Тимура. Мухаммаду хотелось верить, что всемогущий дед отыщет его, и он вновь окажется под широкой дланью ханской защиты. Родное кочевье аталаыка могло укрыть на короткое время до того часа, когда за любимцем повелителя примчится удалая сотня верных нукеров.

Мухаммад мечтал, но глаза его видели иную действительность, и ум, ещё незрелый, но наученный здраво рассуждать, понимал, если хан Тохтамыш выжил, он и сам такой же бедный скита-

лец, а удар, нанесённый джихангиром Тимуром, более похож на смертельный. Никогда более не подняться Великому Улусу до прежних высот могущества, никогда не стать державой столь же сильной и прекрасной, как самаркандский улус.

О, страна престола, что стало с тобой?! Если бы поднялись все потомки великого Чингисхана, что сказали бы они, глядя на разорённое своё гнездо? Воистину, проклят тот час, когда хан Тохтамыш решился противостоять Тимуру. В кровопролитных жестоких битвах ордынцы потерпели сокрушительное поражение. С берегов Терека немногие оставшиеся в живых рассеялись по степям, но и там их нагоняли беспощадные отряды врага. Джихангир вознамерился уничтожить всю Орду, скечь и разрушить города, приносящие славу этим местам. Приказ был дан, и началось кровавое шествие победителей по степным просторам. Всё лето и осень сыновья, внуки и именитые военачальники Тимура крушили ордынские поселения. В развалинах лежали десятки городов, порубленные и сожжённые жители белели костями в своих домах и мастерских. Обезлюдили степи, и только дикие звери бродили отныне там, где прошёл Железный Хромец.

Солтан Мухаммад все эти страшные месяцы укрывался с ханским гаремом. Они с атальком нагнали покинувших Сарай женщин и малолетних детей повелителя и присоединились к беглецам. Охрана везла гарем окольными путями, в стороне от караванных дорог, опасаясь преследователей. Вооружённые евнухи не спали ночами, с тревогой вслушивались в одинокие крики птиц, вой волков. Утомлённые невзгодами и неизвестностью по ночам все засыпали как убитые. Они не сразу узнали об отряде внука Тимура Пир-Мухаммаде, который разрушил Сарай ал-Джадид, а теперь шёл по их следам. Мурза Пир-Мухаммад желал завладеть почётной добычей – семьёй хана Тохтамыша, чтобы похвастать перед могущественным дедом неслыханной удачей.

Не один месяц ему пришлось охотиться за женщинами побеждённого хана, но охране гарема всякий раз удавалось обхитрить преследователей, сбить их со следа. Госпожи просили приюта в небольших поселениях вдоль Яика, прятались в степных аилах, а чаще гарем становился лагерем в пустынной долине, прикрытой от чужих глаз холмами. Летняя пора позволяла сделать домом любой уголок родной земли, огромные пространства степи укрывали их от жестоких воинов Тимура. Они терялись в бесконечности полупустынь и среди выжженных светилом белых пятен солончаков, становились незаметными в лесостепных полосах, где можно было устроить стан в небольшом урмане. Старший ага гарема с надеждой ждал, что однажды их отыщут воины повелителя, или нагонит гонец и укажет путь, куда следовать и где укрыться от врага. В душе же каждый из беглецов лелеял мечту об изгнании захватчика из Великой Орды и воцарении истинного хана и их господина.

Но повсюду их ожидали печальные вести. Такие же беженцы, как и они, которым посчастливилось скрыться от роющихся по степи слуг Тимура, рассказывали о городах, лежащих в развалинах, об ограбленных и опустевших улусах, о тысячах убитых мирных жителей. От жутких повествований стыла кровь в жилах. Ханская семья понимала, что убийцы идут по их следам, и всё чаще они ощущали дыхание преследователей за спиной. Смрадным духом страха веяло от мысли о расправе. А упорству Пир-Мухаммада можно было позавидовать, он вместе с воинами всё лето провёл в сёдрах и продолжал погоню, пока на одной из стоянок не настиг беглецов.

Мухаммад содрогнулся, ему вновь вспомнилось кровавое побоище, которое устроили по приказу разгневанного мурзы. Туранцы безжалостно расправились с малочисленной охраной, евнухами, бросившимся на защиту детей, вспарывали животы. Раззадоренные долгой охотой воины мурзы не могли остановиться, вслед за стражей гаре-

ма принялись резать женщин и детей. Юзбashi Ураку чудом удалось отбить Мухаммада от огромного головореза с окровавленным кинжалом в руке. Десятки жизней распрощались с этим миром под остро отточенным самаркандским лезвием, и юный царевич стал бы следующей жертвой, не окажись таким стремительным и ловким его атальык. Сабля юзбashi пронзила грудь велика-на, тот захрипел, выронил кинжал и повалился бесформенной тушей на тела собственных жертв. Урак и Мухаммад вскочили на своих лошадей и умчались к степным холмам, и беспорядочные крики ещё долго летели им вдогонку: «Багатур Хасан-ага убит! Убили Хасан-багатура! Догнать нечестивцев!»

Погоня была пугающе долгой, но они смогли уйти, среди седых ковыльных степей преследователи потеряли их след. Им удалось спастись, но одна из стрел тяжело ранила сотника. Сейчас атальык терял последние силы, но упрямо вёз любимого внука повелителя в родное кочевье, надеясь там переждать неспокойные времена. На коротких при-валах они опасались встречи с незнакомцами и не зажигали костров. Сын солтана Джеляльзуддина послушно следовал за своей судьбой, которая вела его в аил, затерянный среди холмов. Но мог ли он знать, что ему уготовано за этими далёкими холмами, покрытыми высохшими степными травами?

Юзбashi тяжело и надсадно закашлялся, он припал к косматой гриве коня и содрогался всем телом, вжимаясь в потную шею животного. Мухаммад натянул поводья и остановился, мальчик с нескрываемым страхом смотрел на раненного наставника. Казалось ещё один приступ кашля и старый воин падёт бездыханным к ногам скакуна. Но атальык, откашлявшись, выпрямился, явив Мухаммаду красное от натуги лицо:

— Это ничего, сынок. — Мужчина отёр вспотевший лоб рукавом стёганого казакина. — До урочища рукой подать.

В словах Урака слышалось столько спокойной силы и уверенности в завтрашнем дне, что солтан не обратил

внимания на непочтительное обращение атальыка. Слова старого воина ободрили мальчика, он весело улыбнулся и причмокнул, подбадривая жеребца. Мухаммад направил коня вперёд и уже не увидел, какого труда стоило Ураку натянуть ослабшие поводья. Открывшаяся рана отняла у старика последние силы, но он не желал выказывать слабости перед знатным воспитанником.

Лишь к вечеру потянуло дымком, но запах этот вселил тревогу. Пахло гарью, а не духом очагов, и далёкий остервенелый лай собак не был похож на ленившую брехню сытых псов. Урак с тревогой взглядался вдаль, вслушивался в беспокоящие звуки, он уподобился осторожному зверю, который ступал на чужую территорию. Мухаммад затаился за его спиной. От хорошего настроения мальчика не осталось и следа. Он опасался, что и здесь их ожидают враги, расправившиеся с гаремом хана Тохтамыша. Где-то вдалеке подала голос собака, и от её наводящего ужас воя мураски пробежали по телу мальчика. А у старика перед лицом опасности только прибавилось сил. Он собрался, подтянулся, словно готовился к стремительному броску. Сощурив цепкие глаза, сотник процедил:

— Держитесь в стороне, мой господин. Если увидите опасность — пришпорьте коня, не жалейте его боков! А останетесь один... ищите своего отца. Степь велика, но она полнится слухом, умеите спрашивать — и вам ответят.

Но Мухаммад, хоть и был напуган, от старого юзбashi не отставал. Он не wolltel внясть словам наставника, даже опасность оказаться лицом к лицу с врагами не казалась ему столь страшной, как одиночество. Он решил вступить в аил вместе с атальыком, и никакая сила не могла заставить изменить это решение.

Стойбище возникло внезапно, словно выскочило из очередного холма. Раньше его нелегко было разглядеть из-за обилия густого кустарника и невысоких деревьев. Но сейчас кустарник пылал охваченным огнём, а среди обо-

жёлтых огненными языками деревьев выделялись обгоревшие остаты юрт. Старик вскрикнул и, пришпорив коня, понёсся к тому, что осталось от кочевья. Мухаммад, привстав в седле, огляделся, но никого не заметил поблизости. Он спешился и повёл фыркающего испуганного жеребца за собой. Повод натягивался всякий раз, когда конь натыкался на человеческое тело, распростёртое на земле. Вновь перед глазами юного солтана вставали картины разоря стоянки гарема. Смерть была везде одинакова: и за много дней пути отсюда, где погибла ханская семья; и здесь, в маленьком аиле – родном гнезде старого Урака.

40

Глава 8

Атальк прочитал над телами погибших. Мухаммад, подобрав ноги под себя, опустился рядом со стариком, сложил руки для молитвы, но привычные заученные с детства слова не шли на ум. С болезненным любопытством мальчик разглядывал старуху с седыми косицами, выбившимися из-под цветного покрывала. Она словно спала на пороге горевшей юрты и тянула морщинистую руку к молодой женщине в растерзанной одежде и детям, сражённым ударом сабли...

Не в силах смотреть на плачущего старика, Мухаммад поднялся и пошёл прочь. Он брёл среди поверженных тел и отгонял стервятников, которые почуяли добычу. Птицы, распустив свои чёрно-белые крылья, деловито пересекались с места на место от одного мертвца к другому, не обращая внимания на воющую собаку. Мальчик ждал, когда атальк вспомнит о его существовании и перестанет раскачиваться перед покойными. Мухаммад вновь стало страшно и, чтобы отогнать недостойное чувство, которое липкими тенётами опутывало сознание, солтан быстрым движением сорвал с плеча лук. Он вставил в тетиву стрелу и выпустил её в собаку. Дрожащая рука оказалась неверной, и стрела лишь вскользь задела лапу животного.

Собака заскулила, отскочила прочь и потрусила к оврагу, поросшему редким лесочком, продолжая подывать. Разозлившись, Мухаммад выдернул из колчана вторую стрелу и бросился за псиной, но та скрылась с глаз. Мальчик пошарил в кустах орешника, там кто-то еле слышно попискивал. Он продолжил поиски в неистовом желании уничтожить источник позорного страха, но в самой сердцевине орешника открылась неожиданная картина: мёртвая женщина прижимала к своей груди пищащий кулёк. Видимо, смертельно раненная, она из последних сил заползла сюда, ища спасения для себя и ребёнка.

Мухаммад наклонился, едва разжал застывшие руки, и дитя оказалось в его руках. Расширенными от удивления глазами мальчик разглядывал круглую головку, покрытую пушком рыжих волос, две маленькие розовые ладошки, беспомощно порхавшие над шёлковым одеяльцем. Малыш почувствовал тепло человеческих рук и перестал плакать. Пара чёрных, круглых, как бусинки, глаз разглядывали Мухаммада. Солтан улыбнулся, внезапно ощущив прилив покоя и уверенности, для этого человечка он был великанином, спасителем и защитником. Мухаммад приободрился. Он вдруг подумал, что сам Аллах послал беспомощного ребёнка, чтобы в заботах о нём забылись недостойные чувства. Осознание этого вдохнуло невиданные силы в неокрепшую душу мальчика, он расправил плечи и неумело прижал к себе хрупкое тельце малыша.

– Где вы, солтан? – услышал он голос аталька, обеспокоенного отсутствием воспитанника.

Мухаммад обернулся:

– Взгляните, кого я нашёл, ага.

Юзбашি присел на корточки перед женщиной, провёл ладонью по окаменевшему лицу.

– Всевышний не оставил никого, забрал даже невинных, – пробормотал Урак.

– Как же? – удивился Мухаммад. – А этот мальчишка не из вашей семьи?

Только тогда Урак разглядел живого младенца на руках воспитанника. Он подскочил с земли и с неожиданным проворством выхватил свёрток у солтана.

— О Всемогущий Наш Небесный Повелитель! — вскричал он. — Благодарю тебя за этот дар! Ты не дал прерваться моему роду, оставил малый корешок, чтобы однажды это дитя возродило семью!

Старик вскинул малыша к темнеющим небесам, и они вдруг отозвались страшным грохотом. Из тучи, нависшей над головами, на ошеломлённого Мухаммада хлынул дождь. А старый Урак смеялся от радости и кричал:

— Велик Аллах! Ибо только Ты, дающий влагу, поиши Землю и всё живое, ибо только Ты утверждаешь жизнь на этой Земле!

Убежище от разыгравшейся не на шутку стихии атапык и его юный воспитанник нашли в овраге. Там склонявшиеся над землёй густые гибкие кусты образовали своеобразную крышу, сквозь которую дождь проникал с трудом. Старик отыскал сухое место, скинул с плеч казакин и уложил на него ребёнка. Только после этого он развернул покрывало и со слезами умиления погладил серебряную безделушку на груди малыша. Кожаный шнур, удерживающий родовой талисман на крохотной шейке, запутался в маленьких пальчиках. Ребёнок силился избавиться от нежданного неудобства, кряхтел, морщился и, наконец, заплакал, извергая из груди пронзительный крик.

— У мальчишки сильный голос, — с одобрением произнёс Мухаммад.

— Но это не мальчик! — радостно отозвался Урак. — Аллах на старости лет даровал мне дочь!

— Дочь?!

Мухаммад, не доверяя словам старика, склонился над ребёнком. Разочарование, постигшее его, оказалось сильней, чем он ожидал.

— Девчонка, — с презрением произнёс юный солтан. — Всего лишь девчонка! Одна из тех, что будет всю дорогу

пищать, а после играться с куклами. От женщин одни неприятности!

Брюзжание воспитанника вызвало приступ смеха у старого воина.

— Если бы ты знал, как я рад, что моя младшая жена, услада всей жизни, отосланная год назад в урочище святого Ахмеда, даровала мне дочь! Девочки отличаются большой живучестью, и я верю, что мы не потеряем это создание Всевышнего и придёт время, когда малышка подарит мне внуков — продолжателей рода отважных воинов.

Холодный дождь постепенно стихал, и ночь укрывала заснувшую степь чёрным покрывалом. Старик, баюкая дочь, наблюдал за первыми звёздами, возникавшими на бархатном небосводе.

— Простите, мои дорогие, — шептал он, думая о тех, кто оставался лежать неподвижными на сырой земле, — вскоре придёт рассвет, и я предам ваши тела недрам родного урочища. А сейчас время думать о бренном, время жить...

Старик, казалось, позабыл о своей ране, мысль о ребёнке, которого он закутал в казакин, заставляла забыть о недугах. Помог и бальзам, найденный в разорённом аиле. Теперь все беспокойства атапыка были о Мухаммаде, а ханский внук еле тащился вслед за ним, и юзбashi Урак сетовал на то, что дворцовая жизнь изнежила воспитанника. Как бы ни было тяжело их сегодняшнее положение, но оно могло пойти на пользу мальчику, которому пора стать мужчиной. На привалах Урак не щадил самолюбие знатного отпрыска, приказывал ему ломать хворост, бить птицу, добывая пропитание для них обоих. В урочище они нашли кобылицу, и она давала им молоко. Но этот напиток, завшийся столь сладостным, старик отдавал малышке. Мухаммад делал вид, что его не касается судьба ребёнка, лишь однажды на привале он спросил воспитателя:

— Как же мы её назовем?

Слова солтана поставили старика в тупик. В запасе для дочки у него была

сотня самых прекрасных и нежных слов, но не одно не стало именем.

— Назовите её Алтынчач, — небрежно молвил мальчик. — Её рыжие волосы блестят на солнце как золотые монеты.

— Красивое имя, но его носила мать девочки. Нехорошо давать имя покойной малышке, у которой вся жизнь впереди. Может, назовём Мелек? Она похожа на солнечного ангелочка.

— Скорей уж на маленького шайтана, — проворчал Мухаммад. — Она так кричит, что я совсем оглох.

— Напрасно, господин, вы так считаете. Взгляните, какая она красавая, а кожа у неё словно лепесток цветка.

Старый сотник за всю долгую жизнь не прочёл ни одной газели, а сейчас напоминал поэта, млевшего над своей музой. Мухаммад вновь взглянул на девочку и последовал приглашению аталаика коснувшись щеки ребёнка. Малышка среагировала мгновенно, ухватила его за палец, залопотала что-то, заставив солтана невольно улыбнуться.

— Её кожа и правда нежней лепестка, а сама она умеет быть ласковой, если захочет. Назовите её Назлы.

— И верно! — обрадовался Урак. — Красивое имя для девочки. Пусть зовётся Назлы — нежная, ласковая.

И стариk с любовью взглянул на исхудавшее лицо мальчика.

— А вы, мой господин, станьте ей названным братом, раз уж я — ваш аталаик. Прошу — не откажите в такой чести!

Мухаммад засиял, но вдруг смущился, упрятал мальчишескую улыбку. Он встал и оправил некогда нарядный камзол. За дни скитаний солтан похудел и вытянулся, одежды его обтрепались, и руки торчали из ставших короткими рукавов. Даже знаменитый пояс деда, дарованный повелителем, болтался на животе. Но, несмотря на столь неблестящий вид, царевич не забывал о своём знатном происхождении и о славных предках, к чьему роду принадлежал. С достоинством кивнув, Мухаммад промолвил:

— Пусть Назлы станет мне названой сестрой, и я буду заботиться о её судь-

бе, как старший брат, а, если придётся, и как строгий, но справедливый отец.

Урак довольно кивнул в ответ. Его удовлетворил новый взгляд Мухаммада, не тот затравленный взор испуганного свалившимися на него несчастьями подростка, а взгляд собранный, полный важности и достоинства, хотя и с ноткой неиссякаемой печали.

— Во дворце я даровал бы Назлы нить жемчуга, — сказал мальчик, — а пока могу ей дать только это.

На раскрытой ладони блеснула золотая пайцза¹. Растроганный стариk украдкой смахнул слезу:

— Здесь в степи, молодой господин, такой дар превыше десяти жемчужных ожерелий. Мы повесим её на нить рядом с родовым талисманом. Пусть она защищает нашу малышку от недобрых людей. А пока отправимся дальше в путь, поищем себе пристанище, где сможем остановиться надолго и подождать вашего отца.

Они вскоре достигли желанного жилья, увидели глиняные строения и две ветхие юрты, хлопающие пологом на сильном ветру. Лай собак и мычание волов показались самыми прекрасными звуками на свете. Это был мирный аил, и само осознание, что в степи, наполненной кровью и огнём пожарищ, ещё существуют мирные уголки, обрадовало их. Даже кони под ними радостно заржали, они предчувствовали скорый отдых и кормушки, полные овса. Навстречу им спешили люди. Крепко сбитый кочевник в овчинном долгополом чапане прижал руки к груди, приветствуя странников, а пожилая женщина в цветастом кулмэке, следуя обычаяу кочевников, несла чашу с пенистым кумысом.

¹Пайцза — небольшая охранная дощечка, выдаваемая от имени хана, давала многие преимущества обладателю в пути. Пайцза, в зависимости от того, кому выдавалась, бывала золотой, серебряной и даже деревянной.

Глава 9

Они поселились у степного колодца, через который в добрые времена целыми днями шли караваны. Путь разноязычных торговцев лежал в чужеземные города, простирался на многие месяцы дорог. Караванщики останавливались у колодца, наполняли аил многолюдьем, запахами диковинных специй, оживлением и весельем. Теперь колодец лишь печально поскрипывал деревянным журавлём, и на выложенной из саманного кирпича стене ржавели пустые кольца. Никто ныне не привязывал к ним лошадей, верблюдов и волов, да и жителей здесь поубавилось.

Семья хранителя колодца проживала в этих местах издавна. Почтенный Ахмед-ага упоминал три поколения тех, кто обитал у степного караван-сарая. Сейчас его жёлто-коричневое здание стояло необитаемым и полуразрушенным, скрипело на ветру перекошенными дверцами. Семейство Ахмеда было большим, кроме старухи-матери и двух ён, целый выводок чумазых детишек. Среди них ростом и яркой внешностью выделялся старший сын – Алтынай. Он был взрослой Мухаммада, и солтан сразу почувствовал соперника в дерзком подростке, глядевшем на него с вызовом и чувством превосходства. Мухаммад мог попросить аталаika объявить его громкий титул и знатное имя, велеть этим простым людей склонить головы и спины, но голос разума прозвучал раньше, чем он открыл рот. Мальчик согласно кивнул, когда старый Урак на расспросы Ахмеда-ага сообщил, что они единственные остались в живых из всего кочевья. Этими словами юзбashi словно объявил, что они принадлежат к обычному степному роду, чье благополучие уничтожено воинами Тимура. Смотритель колодца посочувствовал их бедам и устроил в одной юрте с детьми. Он не стал выспрашивать подробностей, хотя даже одежда мальчика, пусть грязная и потрёпанная, но богатая, а особенно роскошный, дорогой пояс вызывали десятки вопросов. Уважаемый

Ахмед-ага считал любопытство грехом, недостойным истинного мусульманина, и потому удовольствовался скучными объяснениями Урака.

Царевича из рода чингизидов вынудили ютиться в большой кибитке с десятком болтливых и кричащих детишек, которыми правила седая строгая стауха. Здесь он почувствовал шаткость положения странника, явившегося из неизвестности и вынужденного скрывать своё высокое звание. Ему казалось недостойным, да и несправедливым пользоваться милостями приютивших его людей, когда они могли позаботиться о себе сами. Вскоре мальчик отозвал аталаika к колодцу и протянул ему кошелёк:

– Это мне дал отец, уважаемый наставник. Прошу вас распорядитесь этими средствами от своего имени. Нам нужно собственное жильё.

Урак в тот же вечер отправился к Ахмеду-ага и договорился о новой юрте. У семейства были припасены шкуры и войлок, и вскоре стараниями мужчин у колодца встала третья кибитка, где и поселился наставник со своим воспитанником и маленькой дочкой. За золотые динары удалось раздобыть и кое-какие припасы. Было огромной удачей, что война обошла стороной этот тихий уголок, и семья не стала жертвой грабежа воинами Железного Хромца и степными разбойниками. До этих мест доносились лишь отдалённые слухи, пугающие своей обречённостью и порой противоречащие друг другу. Редкие путешественники, которые волею судьбы оказывались у колодца, доносили слухи о хане Тохтамыше. Одни говорили о его бегстве в булгарские земли; другие уверяли, что повелитель берёт приступом русские города; третьи слышали о завоёванных им землях Поморья.

– А в Хаджитархане ныне правит царевич Тимур-Кутлуг, – поведал им худой нескладный торговец.

В это неспокойное время он отважился вывести из города, стоящего в дельте Итиля, рыбный товар. Из Хаджитархана купец со своими возами от-

был не более десяти дней назад, и его сведениям можно было доверять.

— Довольны ли местные беки новым ханом? — поинтересовался аталаык.

— Поговаривают, Тимур-Кутлуг не довольствуется доставшимся ему уделом и обращает свой взор на Сарай. А хаджитарханцы в дни смут ожидают сильного господина, дабы сумел он не обирать, а защищать их.

Урак-бashi переглянулся с Мухаммадом, им обоим почудилось за двоякими речами торговца недовольство хаджитарханцев новым повелителем. И слова о Сарае задели за живое. Не ужто осмелился изменник Тимур-Кутлуг взять власть над столицей Орды? По рассказам странников, Сарай ал-Джадид, некогда прекрасный, шумный и многолюдный, лежал в развалинах, и лишь вороны каркали среди былого величия и изобилия. У Мухаммада сердце заходило тоской, он никак не мог представить дворцы, украшенные бело-голубой мозаикой, грудой почерневших, обожженных пожарами камней. В памяти ещё жил цветущий ханский сад и виделись его уютные покои с любимым уголком из мягкой тахты у окна и полки с прекрасными книгами. Где теперь эти драгоценные творения великих поэтов, философов и астрономов? Видимо, и их покрал беспощадный огонь разрушений, или обагрённые кровью руки захватчиков унесли книги, как редкую добычу, что после сбывают за бесценок на созданных насконо рынках? Его мало занимали рассказы о вражде между царевичами Куюрчуком и Тимур-Кутлугом, хотя странники часто рассказывали об их делах.

— Изменники не поделили власть и добычу, пусть дерутся на радость нам, — с горечью шептал Мухаммад. — Туранский эмир Тимур вручил оглану Куюрчуку шитый золотом халат и золотой пояс, он провозгласил его падишахом разорённых и ограбленных земель. А теперь Тимур-Кутлуг отнял у своего дяди Куюрчука принадлежности ханского достоинства. Что скажет на это Самарканец, на кого пойдёт войной?

За повседневными заботами и чередой похожих как близнецы дней пережили они зиму и весну. В начале лета к колодцу свернул караван из Сыгнака, и Мухаммад снова достал припрятанный кошель с монетами. Он без сожаления расстался с окончательно истрепавшимся и ставшим ему тесным камзолом, его одеждой стал чапан из зелёного сукна с глухо застёгнутым воротом, а голову увенчал лисий малахай. Теперь никто не смог бы признать в вытянувшемся исхудавшем мальчике отпрыска ханского рода.

Караван задержался у колодца на долгие три дня, сотоварищи владельца раздумывали, не повернуть ли верблюдов назад. Бескрайняя степь, лежавшая перед ними, пугала своими неожиданностями.

— Мы слышали, города, через которые лежит наш путь, в развалинах, и смерть царит там, где раньше жизнь была ключом.

Такие разговоры у костров были не редкостью, и солтан, ища общества людей, садился в их круг и с напряжением вслушивался в рассказы бывалых торговцев. Но купцов успокаивал караван-бashi, он ходил по землям Великого Улуса год назад и старался переубедить своих соратников:

— Непобедимые багатуры Тимура прошли огнём и мечом по большим городам, и Орда разошлась на четыре части, но жизнь не ушла из этих мест. Вы можете нажить целое состояние там, где все тонут в вихре бедствий и лавине голода. Говорили, даже воины непобедимого эмира испытывали здесь нужду и отдавали за еду последние монеты. Можно выторговать заман проса семьдесят кепекских динаров, а быка — за сто. Где вы ещё найдёте такой барыш? В караване полсотни верблюдов, груженных просом и ячменём, мы гоним отары овец, которые купили у воинов Тимура за бесценок, а назад поскакем на прекрасных скакунах, и наши перемётные сумы будут переполнены динарами!

У торговцев загорались глаза, и они

согласно кивали головами, забывая о своих тревогах:

– Верно-верно! Ведите нас за собой, уважаемый караван-бashi. Забудьте о наших сомнениях.

Мухаммад покинул круг купцов, ушёл к глиняной стене, где, прядая ушами, стояли привязанные к кольцам ослики. Мальчик опустился на землю и обхватил колени обеими руками. К нему неслышно подобрался юзбashi Урак:

– О чём задумались, солтан?

Ханский внук спрятал заблестевшие слезой глаза:

– Вернёт ли когда-нибудь мой дед Сарай ал-Джадид, соберёт ли улусы в один кулак? Послушайте, что говорят эти торговцы: степные города лежат в развалинах, вся Дешт-и-Кипчак словно вымерла, лишь орлы и дикие звери царствуют над страной хана Тохтамыша!

Атальк ободряюще потрепал воспитанника по спине:

– Повелитель не из тех, кто опускает свой лук, если в колчане ещё остались стрелы. Вот увидите, скоро мы услышим о нём! Хан Тохтамыш объявитя в этих степях, и псы, незаконно захватившие власть и растасившие Орду на куски, побегут прочь!

Мухаммад вскинул голову, возбуждённо воскликнул:

– И я буду идти рядом с дедом! Я знаю имена этих высокородных псов, зовут их Куорчак, Идегей и Тимур-Кутлуг, это они делят Великий Улус на части. А Страна престола неделима, она – наследство, данное великим Чингисханом, и один верховный правитель должен быть у неё, а остальные лишь наместники его.

– За вами истина, Мухаммад-солтан. А слышали, один из торговцев говорил, что ныне хан Тохтамыш захватил Кафу и Крымский улус? Но правда ли это, нам неизвестно. Придётся жить здесь и ждать вестей либо от вашего высокородного деда, либо от сиятельного солтана Джеляльуддина, вашего отца.

– Атальк с трудом поклонился, мешала плохо заживающая рана. Этот разговор, где, пожалуй, впервые за долгое время

он вновь величал царевича его титулом, заставил вспомнить о правилах приличия. – Простите, солтан, я удалюсь, что-то похолодало, зажгу очаг в юрте.

Глава 10

Выехав из крепостных ворот, хан оглянулся. За его спиной оставались стены литовского города Лиды. Теперь это был его удел. «Я износил удачу, как истлевшее платье, – подумал Тохтамыш, – значит, пришло время воспользоваться удачливостью других». Тохтамыш окунул взглядом верных ему людей, горстку отважных, сопровождавших его в дни возвышений и падений. Среди них были сыновья, мангытский эмир Исабек и Бакиш-Хаджа. Они вместе бежали из Крыма, когда не устояли перед превосходящими силами Тимур-Кутлуга и Идегея. Около года Тохтамыш правил крымским улусом, его правой рукой и старшим эмиром стал Руктемир Ширинский, и вслед за ним вся крымская верхушка признала в изгнаннике повелителя. Но повернулся капризный ветер судьбы, и вот хан снова беглец, которого в Литве принял двоюродный брат короля Владислава II Ягайло – князь Витовт.

Литовский князь был уже немолод, немногим младше самого Тохтамыша, и мечтал он о власти самодержавной, о вотчине могучей и обширной. Но пока в ожесточённой трёхлетней войне с Ягайло Витовт добился права быть наместником в Литовском княжестве. Только наместник вёл себя в родном уделе как самостоятельный правитель, и бежавших татар приютил без ведома польского короля. Ко двору Ягайло отправили лишь письмо, где в числе прочего упоминалось о прибытии в Вильно хана Тохтамыша. Ягайло в поступке Витовта усмотрел дерзость, но промолчал. Не с руки было развязывать новые столкновения, которые с таким трудом удалось потушить пять лет назад.

А Витовт изгнанного хана принял радушно. Отрядам ордынцев указал поселиться в Черкассах и Каневе, а

самому Тохтамышу дал в кормление город Лиду. Хан устроил в крепости немногочисленную свиту и поспешил ко двору литовца. Оскорблённое самолюбие требовало действий, и он знал: честолюбивый Витовт не зря принял его в княжестве, имел наместникдалеко идущие планы, и в делах этих Тохтамыш мог оказать большое пособничество.

В Вильно по поводу прибытия хана затеяли празднества. Дни бежали весёлой чередой, и серьёзного разговора не получалось, лишь через месяц Витовт пригласил хана на доверительную беседу. Литовский наместник своей высокой, поджарой фигурой разительно отличался от широкоплечего и коренастого Тохтамыша. Хан был смуглолицым, с выступающими скулами, в движениях порывист и резок, но природную горячность он умел обуздывать силой воли человека, долгое время пробывшего у власти. Лицо же Витовта казалось беспристрастным и холодным. Худощавое, с высоким лбом, обрамлённое длинными русыми волосами, оно поражало благородными и гармоничными чертами и одновременно ледяной неподвижностью статуи. Говорили о схожести князя с его матерью, бывшей жрицей Бирутой, которая славилась редкостной красотой. Когда-то отец Витовта влюбился в неё, как безумный. Кейстут выкрал жрицу из языческого храма и принудил к замужеству, а Витовт стал плодом того брака.

Вглядываясь в изменчивые сероголубые глаза князя, Тохтамыш припомнил его историю. Видимо, Витовту передалось от матери колдовское умение влиять на людей, завораживать необыкновенной притягательностью и заглядывать в душу собеседника. Литовский наместник и сейчас угадал, заговорил о том, что терзало Тохтамыша все эти дни.

— Я знаю о вашем желании вернуть свою вотчину. Золотая Орда ваша, и никто из её претендентов не имеет столько прав, сколько имеете вы, великий хан.

Тохтамыш видел всю хитрую, хорошо продуманную игру литовца, но игра эта была выгодна и ему, и хан принял

её условия. С улыбкой он обратился к Витовту:

— Высокородный князь, я знаю многих знатнейших вельмож, имеющих законные права на земли и царства. Но удел некоторых из них — изгнание или... наместничество.

Витовт укрыл взгляд за длинными ресницами, он понял скрытый намёк хана, мол, и ты, князь, в Литве всего лишь наместник, а достоин большего! Молчание затянулось, наконец, Витовт поднялся с места, подвёл Тохтамыша к окну:

— Взгляните, хан, этой землёй владел мой отец — великий князь Кейстут. Стремясь захватить его трон, Ягайло приказал убить отца, а меня заточил в подземелье. Чудом мне удалось бежать, и всю жизнь я воевал за право вступить хозяином на литовские земли, ради этого пришлось примириться с кровным врагом. Сегодня я ещё наместник, но уже скоро королю Владиславу придётся признать во мне господина Литвы. А для этого нужна сила, нужны союзники и новые земли. Недавно я отдал свою дочь Софью в жёны московскому князю, и он стал первым и сильным союзником. — Витовт хрипло рассмеялся. — Моя дочь — истинная литовка!

Тохтамыш помрачнел, вспомнилась вдруг Джанака, сделавшая выбор в пользу своего мужа Идегея:

— Дочери, которых мы отдаём в чужие руки, перестают быть верными нам.

— Софья не такая, — продолжал улыбаться Витовт. — Она большая помощница в том деле, которое я задумал.

Тохтамыш недоверчиво спросил:

— Московия?

— Да! — Витовт с силой сжал кулак. — Вот так, в одно целое я желаю собрать земли, раскинувшиеся у границ Литовского княжества. И я сделаю всё, чтобы помочь вам, великий хан, вернуть ордынский трон!

— А я готов даровать Литве московские земли, — подхватил Тохтамыш. Он понимал, чего хочет услышать от него великий князь. И к чему разбираться, имеет ли он права раздавать владения

Орды, когда находится не у власти, не сидит в Сарае. Видимо, и Витовт думал так же.

— И тогда я стану господином над Москвой, а князь Василий — наместником.

Витовт вновь рассмеялся, ставшие почти бесцветными глаза его горели огнём. Куда только подевалась недавняя холодность и неторопливость, словно выплеснулся наружу нестерпимый сердечный жар, и заговорила душа, мучащаяся в пекле самолюбия:

— Я возвращу себе безраздельную власть над Литвой и расширию её земли от Белого моря по самую степь. То будет могучая империя — империя великого Витовта!

Тохтамыш кивнул, не время было спорить с союзником, но отметил для себя: «Случись всё так, как думает литовец, из него вырастет сильный враг, который со временем может подорвать основы Орды. Но я подумаю о том, когда свершится задуманное. А пока, Всеяышний, помоги нам! Укрепи силы князя, чтобы помог он вернуть мне трон и наказать врагов моих!» Вслух хан произнёс другое:

— Сегодня злейшие враги — Тимур-Кутлуг и Идегей. Сам эмир Тимур, пооваривают, обращает взор на богатые земли индийских правителей. Ему не до наших распреи, да и взять с Великого Улуса нечего, всё разрушено и разграблено. Он не придёт на помочь к тем, кого считает изменниками. Мне доносили: он зазывал Идегея к себе, сладкими послами заманивал, обещал взять одну из дочерей мангыта в жёны своему внуку. Но Идегей хитёр, как лис, который познал капкан, в западню не пошёл. Уверен, что Тимур Гурган желал снять голову отступнику.

— На хитрого Идегея и на заносчивого царевича Тимур-Кутлуга есть одно средство, — усмехнулся Витовт.

— Какое же? — переспросил хан.

— Добрая битва, повелитель. Такое средство обуздает любого и самому спесивому заткнёт глотку. Начнём готовиться уже сейчас, собирайте своих лю-

дей, а я брошу клич в литовских землях и в среде наёмников. Весной, с божьей помощью, и выступим.

— Всё в руках Всеяишнего, — смиренно молвил Тохтамыш. — Они не ждут нападения, считают, что со мной всё кончено. Но мы покажем свою силу.

Эмир Идегей, провозгласивший себя ныне беклярбеком Мангытского юрта, о Тохтамыше не забыл. Десять лет минуло с тех пор, как он сбросил маску притворства и бежал от ордынского хана. Отсчёт этим годам вёл его сын от Джанаки — Нуреддин, рождённый ханской дочерью после их бегства ко двору эмира Тимура. Но и от этого повелителя он ушёл, использовал его воинскую мощь и вернулся в Степь вольной птицей, гордым беркутом. Родные по крови мангыты и свободолюбивые ногайцы признали его своим беклярбеком, эмиром над эмирами, старшим среди степных князей. Только и это званиеказалось мало, его ума и отваги хватало на большее, честолюбивые замыслы звали к высотам, прежде недосягаемым ни одним беком из их рода. Не раз вспоминалась ему покойная ханша Тогайбика. Не желала ли госпожа однажды водрузить на голову любимого зятя хансскую шапку? По рождению ему достался титул мурзы, эмиром он стал в среде воинов, брак даровал звание тургана — ханского зятя, но его деяния могли вознести ещё выше.

Одно останавливало: довлели над честолюбивой душой древние обычай предков и не позволяли тщеславному беклярбеку провозгласить себя ханом Улуса Джучи. А Орда была уже в руках Идегея, когда они согнали ставленника Тимура — царевича Куорчука, когда отбили крымские земли у ненавистного Тохтамыша и лишили хана последнего пристанища. Где он теперь, его кровный враг? Побирается у стола литовского наместника Витовта, ждёт, когда польский король протянет ему руку помощи. А Ягайло не так уж глуп, захочет ли он биться за свергнутого повелителя, земли которого в разрухе, а противники так

сильны, что пожелай они и сама Польша ляжет под копыта их коней? Ягайло с каждым днём теряет влияние в Литве, князь Витовт не дремал всё это время, не давал братцу спокойной жизни. Сегодня Витовт добился наместничества, а завтра наденет корону независимого великого князя. И к чему королю Ягайло в такое нелёгкое время брать на себя бремя невзгод хана-беглеца?

Думы Идегея прервал гонец, доложил, что прибыл повелитель Тимур-Кутлуг. Беклярбек мангытов усмехнулся: «Ишь ты, повелитель!», но сумел упрятать пренебрежение и откинул полог юрты. Тимур-Кутлуг спешился и шёл ему навстречу. С тех пор как ордынский царевич стал именовать себя ханом Великого Улуса, он и внешне изменился. Стала степенной походка, движения неторопливы и размерены, словно Тимур-Кутлуг опасался расплескать собственную важность. А вот мудрости у бывшего царевича не прибавилось, что было на руку Идегею, и он научился умело руководить недальновидным господином. В своих речах беклярбек так искусно преподносил собственные мысли, что Тимур-Кутлуг быстро съехался с ними и выносил на диван как выстраданное им решение. Первые ханские указы оказались толковыми и принесли Тимур-Кутлугу славу хорошего правителя, пекущегося о благе народа и государства. То, что страна лежала в развалинах, а люди бедствовали и искали, где им преклонить голову, играло на руку Тимур-Кутлугу. Многих подданных Улуса угнали с собой воины Железного Хромца. Десятки тысяч ордынцев, изрубленные и пронзённые стрелами, полегли на степных равнинах и среди развалин

сожжённых городов. Гонимые страхом и голодом кочевые племена бежали на далёкие окраины, там сейчас возрождалась жизнь, начинали отстраиваться новые поселения. Города окраинных улусов не пострадали от недавнего набега, туда шли редкие пока караваны, там продолжали трудиться ремесленники, и людское существование, замершее поначалу, теперь входило в полную силу.

Тимур-Кутлуг прибыл, чтобы просить у старшего эмира невольников. Его стаиваниями уже полгода отстраивался Хаджитархан, перенесённый на другой берег реки. Мечтал хан возродить и Сарай Ал-Джадид, где жизнь пока только тлела, но для таких грандиозных работ не хватало рук, да и средств. Казна нового повелителя отличалась скучостью, чтобы пополнить её следовало отправиться в набег. И об этом хотел поговорить Тимур-Кутлуг с Идегеем. Вздохнув, он подумал, что без своего беклярбека не может и шага ступить, но ведь хотелось когда-то править безраздельно, не прислушиваться к чужим подсказкам, не гадать о чём думают за твоей спиной беки и эмиры. За такое правление он когда-то насмешничал над Тохтамышем, и вот ныне сам, водрузив ханскую шапку на свою голову, оказался в не лучшем положении.

А главные битвы ожидали впереди. Собирались грозовые облака на северо-западе в Литовском княжестве, зрели недовольства в Крымском уделе, вассалы уклонялись от уплаты дани. Тернистая дорога расстилалась, как перед бывшими, так и нынешними правителями Улуса Джучи, но они готовились пройти по ней, дабы оставить свой след в истории разорённого, но всё ещё великого государства.